

Розетте

Девушка
с запретной радуги

Rosette

Девушка с запретной радуги

«Tektime S.r.l.s.»

Rosette

Девушка с запретной радуги / Rosette — «Tektime S.r.l.s.»,

Встреча двух одиноких существ в чарующей атмосфере вымышленного шотландского села - это отправная точка истории большой любви, в которой все не так, как всегда.

Содержание

Первая глава	6
Глава вторая	11
Глава третья	21
Глава четвертая	27
Глава пятая	34
Глава шестая	42
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Розетте

Девушка

с запретной радуги

(Перевод с итальянского языка Екатерины Спириной)

Оригинальное название на итальянском языке: La ragazza dagli arcobaleni proibiti

Итальянское издательство: Youcanprint

Название: Девушка с запретной радуги

Автор: Розетте

Перевод на русский язык: Спириной Екатерины

Издательство: Tecktime

Все права защищены - Rosette © copyright 2015/2017

Моему мужу, Луке Раджи, который является живым воплощением простой истины, что никогда не нужно довольствоваться чем попало, а нужно суметь дождаться подходящего человека, и что циников очень много, но романтики выигрывают всегда на длинных дистанциях.

Первая глава

Я подставила лицо навстречу безмятежному ветру. Этот легкий ветерок казался приятным, почти дружеским. Это был признак того, что моя жизнь меняет свой курс и в этот раз меняет его к лучшему.

Я еще крепче сжала правой рукой ручку своего чемодана и возобновила свой путь, вновь поверив в удачу. Пункт моего назначения не был слишком далеким, если верить прогнозам водителя автобуса, и я надеялась, что они были правдивыми, а не просто оптимистичными.

Добравшись до вершины холма, я остановилась. Отчасти для того, чтобы перевести дух, отчасти от того, что не могла поверить собственным глазам.

Скромное жилище? Именно так описала его синьора МакМиллиан по телефону с простотой, присущей людям, которые привыкли жить в сельской местности.

Очевидно, она пошутила. Она не могла говорить это серьезно, не могла быть такой наивной относительно мировых достояний.

Дом был величественным и горделивым, словно дворец фей. Если выбор этого места был продиктован желанием замаскировать дом в густой и пышной зелени... Ну что ж, попытка с треском провалилась.

Неожиданно меня охватила робость, и я вдруг переосмыслила тот энтузиазм, с которым я пустилась в путешествие из Лондона в Шотландию, из Эдинбурга в это живописное, затерянное в спокойствии село Хайлэндс. Это предложение работы свалилось на меня, как гром среди ясного неба, как манна небесная в безнадежный и мрачный момент моей жизни. Я уже смирилась с тем, что буду вечно переходить из одного офиса в другой, более безликий и невзрачный, чем предыдущий, на правах мастера на все руки и вечно жить иллюзиями. А потом – случайное письмо с предложением и телефонный звонок, после которого и началось радикальное изменение места жительства, внезапный, но очень желанный переезд. Всего несколько минут назад мне это казалось волшебным... Но что вдруг изменилось потом?

Я вздохнула и заставила свои ноги снова задвигаться. Теперь мое шествие не походило на триумфальное, как это было пару мгновений назад, а напротив, было значительно более неуловимым и нерешительным. Настоящая Мелисанда всплывала к поверхности с более тяжелым багажом, который она тщетно пыталась утопить.

Остальную часть пути я шла очень медленно. Мне хотелось побыть в одиночестве, чтобы никто не догадался о причине моей нерешительности. Моя застенчивость, моя защитная мантия, подаренная мне моей независимой жизнью, несмотря на мои неоднократные безнадежные попытки избавиться от нее, наглым образом возвращалась на сцену, напоминая о том, кем я была.

Как я могла забыть это?

Я подошла к железной калитке высотой метра три и вновь застыла в нерешительности. Закусив губу, я вспомнила обо всех альтернативах, которые были в моем распоряжении. На самом деле их было мало. О том, чтобы вернуться назад, не могло быть и речи. Я заранее заплатила за это путешествие, и у меня осталось мало денег. Очень мало, по правде говоря.

И потом, что меня ожидало в Лондоне? Да ничего. Абсолютная пустота. Даже моя соседка по комнате с трудом вспоминала мое имя или, в лучшем случае, коверкала его.

Тишина вокруг меня была звенящей в своей абсолютной неподвижности и нарушалась только шумными ударами моего сердца.

Я поставила чемодан на узкую тропинку, на которой небрежно были разбросаны пучки травы. Но для меня это не имело значения. Я была сослана в черно-белый мир, лишенный каких-либо красок. И это не являлось метафорой.

Я приложила руку к правому виску и слегка нажала на него подушечками пальцев. Где-то я читала, что это помогает снять напряжение, и, хотя я считала это глупым и абсолютно бесполезным, я покорно последовала этому совету, которому я совершенно не верила. Я лишь поддалась устоявшейся привычке. Было утешительно иметь привычки. Я вдруг обнаружила, что это действительно расслабило меня. Наверно поэтому я никогда не отказывалась ни от одной из них. Особенно сейчас.

Я решительно повернула в противоположную сторону, удаляясь от заданного курса, готовая подделать документы, чтобы вернуться обратно. Я с горечью вспомнила мою комнату в Лондоне, маленькую как каюта на корабле, рассеянную улыбку моей соседки по комнате, пушистое брюшко кота и даже облупившиеся стены. Но внезапно, без какого-либо предупреждения моя рука вновь опустилась на ручку чемодана, а другая отворила калитку, о которую я неосознанно облокотилась. Я не знаю, что бы я сделала дальше – повернулась назад или позвонила в колокольчик, – но у меня больше не осталось возможности узнать это, поскольку именно в тот момент одновременно произошли две вещи.

Я подняла взгляд вверх, потому что мое внимание привлекло движение по ту сторону окна на первом этаже. Движение было вызвано тем, что белая занавеска вернулась на свое место. А потом я услышала женский голос. Тот же самый, что я слышала несколько дней назад в телефоне. Голос Миллисент МакМиллиан, который был пугающе близко.

– Синьора Бруно! Это Вы?

Я резко обернулась в направлении, откуда шел голос, забыв о движении за окном на первом этаже. Женщина средних лет, крепкого телосложения, худая и добродушная, продолжала говорить непрерывным потоком. И это меня поразило.

– Конечно, это Вы! Кто бы другой это мог быть? Мы не избалованы частыми визитами здесь, в *Mildnight Rose House*. И потом мы Вас ждали! Путешествие прошло удачно, синьорина? Вы быстро нашли дом? Вы голодны? Хотите пить? Наверно, Вы хотите отдохнуть... Я позову Кайла, чтобы он отнес Ваш багаж в Вашу комнату... У меня для Вас есть милая комната, простенькая, но очаровательная, на первом этаже...

Я даже не успела ответить ни на один из заданных вопросов, а синьора МакМиллиан не прекращала свой нескончаемый поток.

– Вы будете жить на первом этаже, как и синьор МакЛэйн... Нет, ему не нужна Ваша помощь. У него уже есть Кайл, чтобы ухаживать за ним... Он на самом деле мастер на все руки... Даже шофер... Хотя синьор МакЛэйн никогда не выходит... Ах, я так рада, что Вы уже приехали! Мне так не хватает женской компании... Этот дом немного мрачен... Внутри, по крайней мере... Здесь, на солнце, все кажется прекрасным... Вы не находите? Вам нравится цвет? Немного резкий, я знаю... Однако синьору МакЛэйну нравится.

«Вот, – подумала я с горечью, – вопрос, на который я была счастлива не отвечать».

Я проследовала за женщиной в просторный внутренний дворик перед домом. Она ни на секунду не прекращала своей болтовни звонким голосом, как звук колокольчика. Я же лишь время от времени кивала ей в ответ, бросая быстрый взгляд на постройки, которые мы проходили.

Дом был в самом деле удивительно просторный. Я ожидала увидеть более строгую, если не сказать спартанскую, мужскую обстановку, принимая во внимание, что хозяин дома, мой новый работодатель, был одиноким мужчиной. Очевидно, его вкусы совсем не были минималистическими. Мебель была роскошная, великолепная, старинная. Где-то века XVIII, хотя я не являюсь экспертом по антиквариату.

Я удлинила шаги, чтобы не отстать от экономки, быстрой словно гепард.

– Дом большущий, – пробормотала я, воспользовавшись паузой в ее длинном монологе. Она бросила на меня взгляд через плечо.

– Так и есть, синьорина Бруно. Однако дом наполовину закрыт. Мы используем только нижний и первый этажи. Дом слишком большой для одинокого мужчины, и содержать его утомительно для меня. Кроме длительных уборок, выполнять которые приходит уборщица извне, я здесь одна. И Кайл, конечно, чтобы делать другие работы. И теперь вот Вы.

Наконец она остановилась напротив двери и распахнула ее. Я догнала ее, слегка запыхавшись, потому что от быстрой ходьбы у меня немного сбилось дыхание. Женщина пригласила меня войти, а на губах ее играла гостеприимная улыбка.

– Надеюсь, Вам понравится у нас, синьорина Бруно. Кстати... произносится Бруно или Бруно?

– Бруно. Мой отец был итальянцем, – ответила я, обводя взглядом комнату.

Синьора МакМиллиан снова принялась болтать, рассказывая мне различные истории о своем недолгом пребывании в молодые годы в Италии, во Флоренции, и о своих последующих перипетиях судьбы, когда она была студенткой на курсе истории искусств и боролась с местной бюрократией.

Я слушала ее вполуха, потому что была слишком взволнована, чтобы делать вид, что очень заинтересована ее болтовней. Та комната, которую она назвала простенькой, была в три раза больше моей лондонской каморки! Все мои прежние сомнения испарились. Я поставила чемоданы рядом с комодом и посмотрела на огромную кровать с балдахином, старинную, как и вся остальная мебель. Письменный стол, шкаф, прикроватная тумбочка, коврик на деревянном полу, полуоткрытое окно... Я подошла к нему и полностью распахнула, наслаждаясь потрясающей панорамой, представшей моему взору. Вдали виднелось село, которое мы проезжали на автобусе, расположенное на другой стороне холма. Справа словно лоскут терялась в густой растительности река, а внизу виднелся ухоженный сад с множеством растений.

– Обожаю заниматься садом, – невозмутимо сказала экономка, вставая со мною рядом. – Особенно люблю розы. Как видите, я собрала букет из роз специально для Вас.

Я повернулась и увидела большую вазу на комод, в которой стоял плотный букет из роз. Я подошла к нему и вдохнула носом аромат. Запах на мгновение ударил мне в голову, заставив ее слегка закружиться.

Впервые за мои двадцать два года я почувствовала себя дома. Будто я наконец-то оказалась в надежной и гостеприимной гавани.

– Вам нравятся белые розы, синьорина? Может, Вы предпочитаете оранжевые или красные? Или желтые?

Этот каверзный вопрос вернул меня с небес на землю, хотя в устах этой любезной женщины он прозвучал вполне невинно.

– Мне нравятся любые. У меня нет каких-то особых предпочтений, – прошептала я, закрывая глаза.

– Готова поспорить, что Вам нравятся красные. Всем женщинам нравятся красные розы. Хотя мне это кажется неправильным... В том смысле... Что красные розы должен дарить только поклонник... У Вас есть молодой человек, синьорина Бруно?

– Нет.

Мой голос был едва слышен. Это был тон усталого человека, который никогда не дает другого ответа.

– Какая жалость. Хотя это очевидно, иначе Вас бы не было в этом месте, затерянном и далеком от Вашего любимого. Здесь, Вы вряд ли кого-то встретите...

Я открыла глаза.

– Я не ищу жениха.

Ее лицо тут же просветлело.

– Значит, Вы не будете разочарованы. Здесь почти невозможно с кем-то познакомиться, потому что все уже имеют пару. Тут становятся помолвленными еще в детском саду... Все эти сельские местности совершенно закрыты для всего нового и для целого мира.

А я была другой. Безвозвратно другой.

– Как я Вам уже сказала, для меня это совершенно не проблема, – произнесла я сдержанно.

– У Вас такие красивые волосы с рыжеватым отливом, синьорина Бруно. Я Вам завидую. Это характерно для шотландцев, хотя Вы и не шотландка.

Я рассеянно провела рукой по волосам, улыбнувшись ей. Я не стала ей отвечать, будучи привычной к такого рода комментариям. Женщина же снова начала стрекотать, а я опять погрузилась в свои горькие воспоминания, которые не выветриваются быстро, а напротив, исчезают очень неохотно, зато молниеносно возвращаются обратно. Но, не позволив раскаленному копыю памяти пронзить меня, я прервала экономку на середине следующей истории.

– Какими будут мои рабочие часы?

Женщина одобрительно кивнула, видя мою самоотверженность.

– С девяти утра до пяти вечера, синьорина. Конечно, еще будет обеденный перерыв. По этому поводу хочу сказать Вам, что синьор МакЛэйн предпочитает обедать в своей комнате в полном одиночестве. Боюсь, у Вас не будет компании, – сказала она с сожалением, и в ее голосе прозвучали извиняющиеся нотки. – Он очень разочарованный мужчина. Знаете... из-за трагедии... он как лев в клетке, и поверьте... когда он кричит, хочется бросить все и бежать... Именно так и поступили три предыдущие секретарши, – глаза ее, казалось, изучают меня сквозь увеличительные линзы. – Вы мне кажетесь подходящей с точки зрения здравого смысла и опыта. Я надеюсь, что Вы сможете выдержать дольше, я Вам этого желаю от всего сердца...

– Несмотря на мой худощавый и хрупкий вид, я обладаю бесконечным терпением, синьора МакМиллиан. Я Вам обещаю, что сделаю все возможное, чтобы быть на высоте, – заверила я ее с оптимизмом, свято веря, что у меня все получится.

Женщина одарила меня широкой солнечной улыбкой, довольная моим заверением. Но она посоветовала мне не продавать шкуру неубитого медведя. Потом она направилась к двери, все еще улыбаясь, и сказала:

– Синьор МакЛэйн ждет Вас через час в своем кабинете, синьорина Бруно. Не робейте. Держите голову высоко, это единственный способ не дать себя поймать при первой же возможности.

Я моргнула, словно только что проснулась.

– Он любит ставить в затруднительное положение?

Женщина стала серьезной.

– Он суровый человек, но справедливый. Скажем так: он не любит кроликов и делает все, чтобы раскусить их за один присест. Проблема в том, что многие тигры притворяются кроликами в его присутствии...

Она с улыбкой попрощалась со мной и ушла, не замечая урагана, который наполнил мою голову после ее последних слов. Я вернулась к окну. Легкий ветерок стих, оставив место удушливой жары, характерной больше для материка, чем для этой местности.

Я с трудом пыталась привести ум в порядок и очистить его от губительных мыслей. Передо мной опять был белый лист, неразрезанный, чистый и свободный от всех забот.

С убежденностью самоуверенного человека я знала, что это было относительным спокойствием, эфемерным, как след на песке, готовым исчезнуть при первом же отливе.

Приветливость синьоры МакМиллиан не должна ввести меня в заблуждение. Она была всего лишь подчиненной, покорной слугой. Она была любезна, была на моей стороне и предлагала мне союз со всей присущей ей непосредственностью, но я не должна забывать, что мой

работодатель совершенно другой человек. Мое пребывание в этом доме, очень красивом и отличающемся от всех других мест, в которых мне довелось побывать, зависело исключительно от него. Или точнее от впечатления, которое я на него произведу. Я. Только я.

О нем я знала очень мало. Он одинокий мужчина, приговоренный к наказанию, худшему, чем смерть, изгнанный проживать половинную жизнь, одинокий писатель с плохим характером. Исходя из завуалированных намеков моей провожатой, речь шла о человеке, который находил удовольствие в том, чтобы ставить других в затруднительное положение, который, возможно, обожал вымещать свою месть на других, не будучи в состоянии выместить ее на своем единственном враге: судьбе. Слепой, равнодушной к страданиям, наносимым направо и налево, демократичной в некотором смысле...

Я вздохнула. Если мое пребывание в этом доме должно быть коротким, не было особого смысла разбирать чемодан. Мне не хотелось терять время.

Я бродила по комнате, ни во что не веря. Остановившись перед зеркалом, висящим над комодом, я грустно взглянула на свое лицо. Мои волосы были рыжими. Конечно. Я знала это только потому, что мне это говорили другие, но я не была в состоянии различать цвета. Я жила черно-белой жизнью, в заточении, как и синьор МакЛэйн. Не в инвалидной коляске, может, но тоже неполноценной жизнью. Я протянула руку к серебряной щетке, лежащей на комодке вместе с другими туалетными принадлежностями. Это была изысканная ценная вещица, и мне позволили пользоваться ею с несравненной щедростью.

Я перевела взгляд на часы, висящие на стене, и они коварно напомнили мне о встрече с хозяином дома.

Я не могу опаздывать.

Не могу опаздывать на первую встречу.

Возможно, на последнюю, если у меня не получится, смогу... Как там сказала синьора МакМиллиан? Ах да. Держи голову высоко. Совет для принцессы кроликов. Моим любимым словом, которое я использовала больше всего, было извинение, которое в зависимости от обстоятельств было «извини» или «извините». Рано или поздно я извинялась даже за свое существование. Я гордо выпрямила спину. Я продам дорого шкуру. И заработаю право, удовольствие, остаться в этом доме, в этой комнате, в этом уголке мира.

На лестничной площадке, шагая по ступенькам, я ощутила, что плечи опустились, мозг закричал, а сердце понеслось куда-то галопом. Мое спокойствие длилось... Сколько? Минуту?

Почти рекорд.

Глава вторая

Оказавшись в холле, я столкнулась с неизбежной неосведомленностью. Где находится кабинет? Как я могла найти его, если я еще там ни разу не была?

Прежде чем погрузиться в отчаяние, я успела заметить посланную мне свыше синьору МакМиллиан с широкой улыбкой на лице.

– Синьора, Бруно, я как раз шла позвать Вас... – она бросила быстрый взгляд на стенные часы. – Какая пунктуальность! Вы действительно редкое сокровище! Вы в самом деле имеете итальянские корни, не шотландские? – засмеялась она над своей шуткой.

Я вежливо улыбнулась и последовала за ней вверх по лестнице. Мы прошли мимо моей комнаты вглубь коридора в направлении массивной двери. Не переставая болтать, она легонько постучала в дверь три раза и приоткрыла ее. Я стояла за ее спиной с дрожащими коленками, пока она просовывала голову внутрь.

– Синьор МакЛэйн... Пришла синьорина Бруно.

– Наконец-то! Опаздывает! – донесся грубый голос.

Экономка громко рассмеялась, привычная к плохому настроению своего хозяина.

– Всего лишь на одну минутку, синьор. Не забывайте, что она новенькая в нашем доме. Это я стала причиной ее опоздания, потому что...

– Пусть войдет, Миллисент, – резко прервал он ее, словно ударил хлыстом, и я буквально подпрыгнула на месте, в то время как женщина спокойно обернулась и посмотрела на меня.

– Синьор МакЛэйн ждет Вас, синьорина Бруно. Пожалуйста, входите.

Экономка отошла немного, пропуская меня в комнату. Я бросила на нее тревожный взгляд, а она, чтобы подбодрить меня, шепнула:

– Ни пуха, ни пера!

Но это дало обратный эффект. Мой мозг превратился в расплавленную мешанину, лишённую всякой логики и ощущения времени и пространства. Я сделала робкий шаг через порог. Но прежде чем я увидела кого-либо, я услышала тот же самый голос, который сказал кому-то:

– Можешь идти, Кайл. Увидимся завтра. И будь пунктуальным, пожалуйста. Я не переношу опоздания.

Мужчина стоял в нескольких шагах от меня, высокий и сильный. Он взглянул на меня и поприветствовал кивком головы, оценивающе осмотрев меня.

– Добрый вечер.

– Добрый вечер, – сказала я в ответ, глядя на него дольше, чем должна была бы, чтобы оттянуть тот момент, когда я буду выглядеть смешно вопреки ожиданиям синьоры МакМиллиан и моим глупым надеждами.

Дверь закрылась за моей спиной, и я вспомнила о хороших манерах.

– Добрый вечер, синьор МакЛэйн, меня зовут Мелисанда Бруно, я приехала из Лондона и...

– Избавьте меня от своей биографии, синьорина Бруно. Неинтересной, к тому же, – голос его был скупающим.

Я подняла глаза, готовая наконец встретиться взглядом с моим собеседником. Едва сделав это, я возблагодарила небо за то, что поприветствовала его раньше. Потому что когда я его увидела, то не могла вспомнить даже собственное имя.

Он сидел за письменным столом в кресле на колесиках. Одна рука лежала на подлокотнике, касаясь дерева, а другая вертела авторучку. Темные бездонные глаза смотрели на меня. В который раз я пожалела, что не в состоянии различать цвета. Я бы с удовольствием отдала год своей жизни, чтобы увидеть цвет его лица и волос. Но такая радость была мне недоступна. Без

обжалования. В момент проблеска сознания я поняла, что он был красив: лицо с неестественной бледностью, черные глаза, обрамленные длинными ресницами, черные густые волнистые волосы.

– Вы, случаем, не глухая? Или немая?

Я вернулась на землю, падая с головокружительной высоты. Мне почти показалось, что я слышу, как с треском ломаются мои конечности о землю. Громкий и зловещий хруст, сопровождаемый пугающим и губительным ударом.

– Извините, я отвлеклась, – пробормотала я, краснея.

Он смотрел на меня с повышенным вниманием, как мне показалось. Будто хотел запомнить каждую черту моего лица. Когда же его взгляд задержался у моей шеи, я покраснела еще сильнее. Первый раз в жизни я страстно жаждала поделиться своим дефектом с рождением с другим человеческим существом. Я была бы менее смущена, если бы знала, что синьор МакЛэйн с его аристократической и гордой красотой не может заметить румянец, сильно заливший каждый сантиметр моей кожи.

Я раскачивалась на ногах, смущенная его пристальным взглядом, а он продолжил рассматривать меня, переведя взгляд на волосы.

– Вам следует покрасить волосы. Или их будут принимать за огонь. Я бы не хотел, чтобы Вы оказались под натиском сотни огнетушителей.

Непроницаемое выражение его лица немного оживилось, и веселые искры засверкали в его глазах.

– Не я выбирала цвет волос, – ответила я, собрав все свое достоинство, на какое была способна, – а Бог.

– Вы религиозный человек, синьорина Бруно? – приподнял он бровь.

– А Вы, синьор?

Он положил ручку на стол, не сводя с меня глаз.

– Нет доказательств существования Бога.

– Впрочем, как нет и доказательства обратного, – ответила я с вызовом, и такая пылкость была немыслима для меня.

Его губы расплылись в издевательской усмешке, и он указал мне на мягкое кресло.

– Присаживайтесь, – скорее отдал он мне приказ, чем внес предложение. Тем не менее, я незамедлительно подчинилась.

– Вы не ответили на мой вопрос, синьорина Бруно. Вы религиозный человек?

– Я верующая, синьор МакЛэйн, – подтвердила я едва слышно. – Однако я не очень строго соблюдаю религиозные обряды. Скорее даже совсем не соблюдаю.

– Шотландия – одна из немногих англосаксонских наций, которая соблюдает обряды с непревзойденным рвением и преданностью, – с недвусмысленной иронией сказал он. – А я исключение, которое подтверждает правило... Не так ли? Скажем так: я верю только себе и тому, что могу потрогать.

Он лениво откинулся на спинку кресла на колесиках, постукивая кончиками пальцев о подлокотник. Я бы никогда не подумала, даже на одну секунду, что он был уязвимым и хрупким. Он имел образ человека, который прошел сквозь огонь и который не боится броситься в него снова, если в этом будет необходимость. Или если ему этого просто захочется. Я с трудом отвела глаза от его лица. Оно было сияющим, почти жемчужным, практически ярко-белым и очень отличалось от всех лиц, которые мне довелось видеть. Было невыносимо смотреть на него и слушать его гипнотический голос. Обаятельная змея. И любая женщина была бы счастлива страдать, заколдованная его чарами, которые излучал он, его совершенное лицо, его насмешливый взгляд.

– Итак, Вы моя новая секретарша, синьорина Бруно?

– Если Вы захотите взять меня на работу, синьор МакЛэйн, – уточнила я, поднимая глаза.

Он неоднозначно улыбнулся.

– Почему я должен не взять Вас? Потому что Вы не посещаете церковь каждое воскресенье? Вы считаете меня слишком поверхностным, если полагаете, что я сейчас способен выгнать Вас или... держать Вас здесь ради пустой болтовни.

– Я недостаточно знаю Вас, чтобы составить такое лестное мнение о Вас, – ответила я, улыбаясь. – Но я знаю, однако, что успешные трудовые отношения рождаются на основе первоначальной симпатии, первого благоприятного впечатления.

Его улыбка была настолько неожиданной, что я вздрогнула. Но она погасла так же внезапно, как и родилась. Он посмотрел на меня ледяным взглядом.

– Вы действительно думаете, что так легко найти работника, готового переехать в это богом забытое село, далекое от любых развлечений, торговых центров или дискотек? Вы были единственной, кто ответил на объявление, синьорина Бруно.

В засаде, за льдом его глаз искрился смех. Плитка черного льда с едва заметной трещинкой хорошего настроения, которая согрела мне душу.

– Значит, мне не стоит бояться конкуренции, – сказала я, нервно просовывая руки между своих колен.

Он продолжал изучать меня с тем раздражающим любопытством, с которым обычно смотрят на редкое животное.

Я сглотнула комок, изображая непринужденность, фальшивую и мимолетную. На мгновение, необходимое, чтобы сформулировать мысль, я подумала, что должна бы сбежать из этого дома, из этого кабинета, заполненного книгами, от этого страшного и красивого мужчины. Я чувствовала себя беззащитным котенком в нескольких сантиметрах от глотки льва. Жестокий хищник и беспомощная жертва. Потом это ощущение прошло, и я почувствовала себя глупой. Передо мной был необузданный человек, наглый и деспотичный, но прикованный к креслу на колесиках. Я была очередной добычей, скромной и напуганной девушкой, устойчивой к изменениям. Почему бы не пойти на это? Если его забавляло насмеяться надо мной, зачем лишать его этой возможности поразвлечься, единственной, которая у него была? Это было почти великодушием с моей стороны.

– И что Вы обо мне думаете, синьорина Бруно?

Я снова дважды заставила его повторить свой вопрос и снова смогла удивить его.

– Я не думала, что Вы так молоды.

Я на мгновение застыла и онемела, боясь, что обидела его своим ответом. Но он буквально заморозил меня одной из своих улыбок, которые заставили мое сердце биться чаще.

– Неужели?

Я заерзала на стуле в нерешительности, что ему ответить. Потом решение наконец пришло мне в голову, и я, собрав всю свою смелость, под его пристальным взглядом, заставляющим танцевать мое сердце, продолжила:

– Ну... Вы написали свою первую книгу в двадцать пять лет, насколько я знаю, то есть пятнадцать лет назад. Вы немногим старше меня, – сказала я задумчиво.

– И сколько Вам лет, синьорина Бруно?

– Двадцать два, синьор, – ответила я, окутанная глубиной его глаз.

– Я действительно стар для тебя, синьорина Бруно, – сказал он с улыбкой. Потом опустил глаза, и холодная зимняя ночь вернулась в его взгляд, более жестокий, чем взгляд змеи. Исчезли все следы тепла. – Однако Вы можете быть спокойны. Вы не должны опасаться сексуальных домогательств, пока спите в своей кровати. Как видите, я неподвижен.

Я молчала, потому что я не знала, что сказать. Его тон был горьким и лишенным всякой надежды, а лицо стало каменным. Его глаза зондировали мои в поисках чего-то, чего они не находили. Но потом он улыбнулся.

– По крайней мере, Вы не проявляете жалости. И это мне нравится. Я не хочу жалости, я в ней не нуждаюсь. Я значительно счастливее многих других, синьорина Бруно, потому что я свободен. Абсолютно свободен. – Потом он приподнял брови: – Что Вы все еще делаете здесь? Можете идти.

Его сухость поставила меня в тупик. Я нерешительно поднялась, а он воспользовался возможностью выплеснуть на меня свой гнев.

– Вы все еще здесь? Что Вам надо? Или Вы хотите обговорить свой выходной день? – зло обвинил он меня.

– Нет, синьор МакЛэйн, – неуклюже направилась я к двери, но едва я взялась за ручку, он остановил меня.

– Завтра в девять утра я жду Вас, синьорина Бруно. Я пишу новую книгу под названием «Мертвые без погребения». Вам кажется ужасным?

Его улыбка стала шире. Резкая смена настроения, должно быть, была основной чертой его характера. Я постаралась взять это на заметку, поскольку у меня были все шансы иметь такие истерические кризисы по двадцать раз за день.

– Кажется интересным, синьор, – ответила я осторожно.

Он откинул назад голову и расхохотался.

– Интересным?! Спорим, что Вы не читали ни одной из моих книг, синьорина Бруно? Мне кажется, что у вас нежная душа... И ты бы не смогла заснуть всю ночь во власти кошмаров, – снова рассмеялся он, перескакивая с «Вы» на «ты» с такой же скоростью, с какой менялось его настроение.

– Я не такая впечатлительная, какой кажусь, синьор, – ответила я покорно, чем вызвала новый взрыв смеха.

Маневрируя с помощью рук колесами кресла, с мастерством, выработанным годами привычки и достойным восхищения, он необычайно быстро направился в мою сторону. Он подъехал так близко, что все мои попытки сформулировать разумную мысль стали бесполезными. Инстинктивно я сделала шаг назад. Притворившись, что ничего не заметил, он показал на библиотеку справа от меня.

– Достань четвертую книгу слева на третьей полке.

Я послушно достала указанную книгу. Название было мне знакомо из информации, которую я нашла о нем в Интернете перед отъездом, но содержания я не знала. Ужасы не были моим любимым жанром, который подходит больше сильным личностям, а не таким нежным и романтичным, как я.

– «Зомби в пути», – прочитал он громко. – Самое подходящее, чтобы начать. Это наименее... как бы сказать? Наименее страшно.

Он засмеялся, явно надо мной, над моим плохо скрываемым дискомфортом, который ощущала каждая клеточка моего тела.

– Почему бы тебе не начать сегодня вечером? Это помогло бы тебе подготовиться к твоей новой работе, – посоветовал он со смеющимися глазами.

– Хорошо, я займусь этим, – сказала я со слабым энтузиазмом.

– До завтра, синьорина Бруно, – снова жестко попрощался он. – Закройся в комнате, потому что я бы не хотел, чтобы дворцовые духи или какие-то другие ночные создания посетили тебя этой ночью. Знаешь... – он замолчал, и в его глазах вновь заплясали искорки смеха, – как я тебе уже говорил, трудно найти кого-то на это место.

Я попыталась улыбнуться, но у меня получилось не слишком убедительно.

– Спокойной ночи, синьор МакЛэйн, – сказала я и, прежде чем хлопнуть дверью, добавила: – Я не верю в духи и другие ночные создания.

– Уверена?

– Нет доказательств их существования, синьор, – ответила я, невольно поворачиваясь к нему.

– Впрочем, как нет и доказательства обратного, – возразил он. Потом крутанул колеса своего кресла и вернулся назад, за письменный стол.

Я бесшумно закрыла дверь, а сердце мое ушло в пятки. Может, он был прав, и зомби существуют. Потому что в тот момент я чувствовала себя одной из них. Ошеломленная, с затуманенным мозгом, словно в подвешенном состоянии, в котором я больше не могла отличать реальность от нереальности. И это было хуже, чем не различать цвета.

Я без всякого аппетита поужинала в компании синьоры МакМиллиан, в то время как мысли мои были заняты совсем другим. Я боялась, что увижу ее только завтра утром там, где я оставила ее. Что-то подсказывало мне, что я доверила свое сердце не в самые лучшие руки.

О разговоре с гувернанткой тем вечером я не помнила почти ничего. Говорила только она, не переставая. Казалось, она была на седьмом небе от счастья, что у нее появился собеседница. А точнее слушательница. Слишком воспитанная, чтобы прервать ее, слишком почтительная, чтобы показать свою незаинтересованность, слишком погруженная в свои мысли, чтобы заявить о своей потребности побыть в одиночестве. Чтобы подумать о нем.

Я удобно устроилась в своей кровати часом позже, откинув голову на подушки, и открыла книгу, которую он дал мне почитать. Уже на второй странице я была охвачена ужасом, тщетно уговаривая себя, что речь идет всего лишь о книге. Несмотря на здравый смысл, который в теории был мне присущ, воздух в комнате стал душным, а желание выйти в вечернюю свежесть стало нестерпимым.

Босыми ногами я пересекла темную комнату и распахнула окно. Сев на подоконник, я погрузилась в прозрачную ночь начинающегося лета. Тишину нарушали только стрекотание сверчков да уханье совы. Было здорово находиться там, на расстоянии световых лет от суеты Лондона, от его бешеных ритмов, всегда на грани истерики. Ночь была совершенно черной, и лишь звезды, разбросанные по небу, нарушали эту черноту. Я любила ночь, лениво думая о том, что хотела бы стать каким-нибудь ночным созданием. Темнота была моим союзником. Без света все становилось черным, и моя генетическая неспособность различать цвета теряла свою важность. Ночью мои глаза были такими же, как у всех других людей. На несколько часов я не ощущала себя отличной от остальных. Мимолетное, но освежающее облегчение, словно вода на разгоряченной коже.

Утром, проснувшись от звона будильника, я несколько минут оставалась в постели в оцепенении. Но мгновение спустя ко мне вернулась память, и я начала узнавать комнату. Одевшись, я покинула ее и спустилась по лестнице, напуганная глубокой тишиной вокруг меня. Но вид Миллисент МакМиллиан, веселой и добродушной как всегда, прогнал туман и наполнил мой взволнованный ум спокойствием.

– Хорошо поспали, синьорина Бруно? – начала она.

– Лучше, чем когда либо, – ответила я, удивленная этой новостью. Я уже несколько лет не спала так спокойно, оставив на несколько часов негативные мысли.

– Хотите кофе или чай?

– Чай, пожалуйста, – попросила я, садясь за кухонный стол.

– Идите в гостиную, я накрою там.

– Я предпочитаю позавтракать вместе с Вами, – сказала я, подавляя зевок.

Женщина была польщена и начала крутиться вокруг плиты. Она снова принялась болтать, а я принялась думать о Монике. Интересно, что она делает сейчас? Уже приготовила завтрак? Мысли о моей сестре тяжело легли на мои хрупкие плечи, и я с радостью восприняла появившийся передо мной чай.

– Спасибо, синьора МакМиллиан.

Я с удовольствием попробовала горячий напиток с приятным вкусом, пока экономка нарезала хлеб и ставила передо мной несколько вазочек с различным джемом.

– Попробуйте малиновый, он просто сказочный.

Я протянула руку к вазочке с джемом, и сердце тут же вздрогнуло. Мое отличие от всех остальных вернулось, окутав меня тиной, темной и зловонной. Почему я? Есть ли во всем мире такие, как я? Или я была исключительной аномалией, ошибочной шуткой природы?

Я наугад схватила вазочку, надеясь, что пожилая женщина достаточно сконцентрирована на своей болтовне, чтобы заметить мою возможную ошибку. Джемов было всего пять, следовательно, у меня был только один шанс из пяти, два из десяти, двадцать из ста, чтобы взять нужную вазочку с первого раза.

Она поспешила поправить меня, оказавшись менее рассеянной, чем я думала.

– Нет, синьорина. Это апельсиновый джем, – улыбнулась она, не догадываясь о том, какое волнение вызвала внутри меня; на моем лбу даже выступили капли пота. Она передала мне вазочку. – Вот возьмите, его очень легко спутать с клубничным.

Не заметив моей натянутой улыбки, она продолжила рассказывать о своих горестных приключениях с одним флорентинцем, который оставил ее ради южноамериканки.

Я поела без особого аппетита, все еще находясь во власти напряжения от недавнего происшествия, проклиная себя, что отказалась от предложения позавтракать в одиночестве. В этом случае не возникло бы этих проблем. Избегать потенциально критических ситуаций – это было моей мантрой. Всегда. Я не должна позволить, чтобы приятная атмосфера этого дома подтолкнула меня к опрометчивым поступкам, и я забыла об осторожности. Синьора МакМиллиан казалась хорошей женщиной, умной и заботливой, но она была слишком болтлива. Я не могла рассчитывать на нее.

Она сделала небольшую паузу, чтобы сделать глоток чая, и я тут же воспользовалась возможностью задать ей несколько вопросов:

– Вы давно работаете у синьора МакЛэйна?

Лицо ее озарилось радостью от возможности поведать новые истории.

– Я здесь уже пятнадцать лет. Я приехала сюда всего несколько месяцев спустя после несчастья, случившегося с синьором МакЛэйном. Того самого, в котором... Ну Вы понимаете. Все предыдущие домработницы были выгнаны отсюда. Раньше синьор МакЛэйн был очень жизнерадостным, полным желания жить, всегда веселым. Теперь, к сожалению, все изменилось.

– Но что случилось? Я хочу сказать... несчастье? То есть... Извините за мое непростительное любопытство, – прикусила я губу, опасаясь показаться неправильно понятой.

Она покачала головой.

– Это нормально задавать вопросы, это человеческая природа. Я точно не знаю, что случилось. В селе мне сказали, что синьор МакЛэйн должен был жениться прямо на следующий день после автомобильной аварии, но этого очевидно не произошло. Некоторые говорят, что он был пьян, но это, на мой взгляд, лишь догадки. Единственное, что кажется точным, – это то, что он вылетел на обочину, чтобы не наехать на ребенка.

Мое любопытство усилилось от ее слов.

– Ребенка? Я читала в Интернете, что авария произошла ночью.

– Ну да, – пожала она плечами, – кажется, речь идет о сыне бакалейщика. Он убежал из дома, потому что решил присоединиться к друзьям из цирковой компании, которые были в турне в этой местности.

Я обдумывала эту новость. Это объясняло такие резкие перепады в настроении синьора МакЛэйна, его постоянно плохое расположение духа, его несчастное выражение. Как не понять его? Его мир рухнул, разлетелся на куски по воле злосчастной судьбы. Молодой, богатый, красивый успешный писатель в шаге от исполнения своей мечты о любви... За несколько секунд

он потерял большую часть того, что имел. У меня никогда не было таких крушений, и я могла только догадываться о них. Нельзя потерять того, чего не имеешь. Моей единственной компанией всегда было Ничего.

Быстро взглянув на часы, я поняла, что мне пора идти. Это был мой первый рабочий день. Мое сердце учащенно забилось, и я спросила себя, обусловлено это началом работы или встречей с загадочным хозяином этого дома?

Я побежала наверх, перескакивая через две ступеньки, безотчетно боясь прийти с опозданием. В коридоре я налетела на Кайла, помощника на все руки.

– Добрый день!

Я немного замедлила шаг, стыдясь своей поспешности. Наверно я показалась ему поверхностной или того хуже – восторженной.

– Добрый день.

– Синьорина Бруно, правильно? Могу я говорить Вам «ты»? По сути, мы с вами в одной и той же лодке на службе у сумасшедшего лунатика.

Неотесанная и brutальная грубость его слов меня поразила.

– Я знаю, это неуважительно по отношению к моему работодателю, и так далее. Но вскоре ты поймешь, что я прав. Как тебя зовут?

– Мелисанда.

Он прикрыл глаза, смущенно поклонившись.

– Рад познакомиться с тобой, Мелисанда с рыжими волосами. У тебя действительно странное имя, не шотландское... Хотя ты и кажешься шотландкой больше, чем я.

Я любезно улыбнулась и сделала попытку обойти его, все еще боясь опоздать. Но он преградил мне дорогу, расставив ноги на всю ширину лестничной площадки. И тут очень своевременно вмешался третий голос.

– Синьора Бруно! Я не переношу опозданий! – послышался, несомненно, голос моего работодателя, заставив встать волосы дыбом на моем затылке.

Кайл тут же позволил мне пройти.

– Удачи, рыжеволосая Мелисанда. Тебе она пригодится.

Я бросила на него жесткий взгляд и бегом бросилась к двери в конце коридора. Она была приоткрыта, и оттуда вылетело кольцо дыма.

Себастьян МакЛэйн сидел за столом, с неподвижным лицом, как и вчера, держа меж пальцев сигару.

– Закрой, пожалуйста, дверь. А потом можешь садиться. Мы уже потеряли достаточно времени, пока ты общалась с другим персоналом, – сказал он резким оскорбительным тоном.

Внутреннее возмущение заставило меня возразить. Дрожащий ягненок перед занесенным тесаком.

– Это было всего лишь обычной любезностью. Или Вы предпочитаете невоспитанную секретаршу? В таком случае я могу сорвать занавес. Сейчас же.

Мой импульсивный ответ был для него неожиданным. На лице его появилось удивление, такое же, как, очевидно, было написано на моем лице. Я никогда еще не была такой дерзкой.

– А я уже назвал тебя собакой без зубов... Это я опрометчиво... В самом деле опрометчиво.

Я села напротив него, ноги уже не держали меня, подогнувшись от моей безрассудной искренности. Я была объята ужасом возможных взрывоопасных последствий.

Но мой работодатель не выглядел обиженным. Напротив, он смеялся.

– Какое Ваше имя при крестинах, синьора Бруно?

– Мелисанда, – ответила я машинально.

– В честь Дебюсси, полагаю. Твои родители увлекались музыкой? Концертами, может?

– Мой отец был шахтером, – возразила я.

– Мелисанда ... Громкое имя для дочери горняка, – заметил он, сдерживая смех. Он играл со мной, и в отличие от вчерашнего дня я не была уверена, что хочу позволить ему заниматься этим. Иначе это станет его любимым развлечением.

Я расправила плечи, стараясь вернуть потерянную сдержанность.

– А Вас почему зовут Себастьян? В честь святого Себастьяна, может? Не самый подходящий выбор.

Он принял удар, на мгновение сморщив нос.

– Убери когти, Мелисанда Бруно. Я не веду с тобой войну. Если ее ведешь ты, то у тебя нет шансов на победу. Никогда. Даже в твоих самых смелых снах.

– Я никогда не вижу снов, синьор, – ответила я с как можно большим достоинством.

Кажется, он был ошарашен моим ответом, насквозь пропитанным искренностью.

– Счастливица. Сны – это всегда обман. Если это кошмары, то они нарушают сон. Если они прекрасны, то пробуждение будет вдвойне горьким. Следовательно, лучше не видеть снов. – Он не сводил с меня своих чарующих глаз. – Ты интересный персонаж, Мелисанда. Нестабильный, но интересный, – добавил он насмешливым тоном.

– Я рада иметь необходимые качества для этой работы, – иронично прокомментировала я. Но тут же снова прикусила губу в раскаянии. Что со мной происходит? Я никогда еще не реагировала с такой позорной импульсивностью. Я срочно должна избавиться от этого, пока полностью не потеряла контроль.

Его улыбка растянулась теперь от одного уха до другого. Он явно веселился.

– Да, у тебя они есть. Я уверен, что мы достигнем согласия. Секретарша, которая не умеет видеть сны, как и ее начальник. Между нами есть особая родственность, Мелисанда. Родственность душ в некотором смысле. Если бы только у одного из нас она уже не отсутствовала долгое время...

И прежде, чем придать смысл своим туманным словам, он отвел глаза и вернулся к серьезному тону, выражение его лица вновь стало непроницаемым, далеким, безжизненным.

– Тебе надо отправить первые главы книги моему издателю. Знаешь, как это сделать?

Я кивнула и разочарованно подумала о том, что мне уже не хватает нашей словесной дуэли. Я бы хотела, чтобы она была бесконечной. Из этой дуэли я черпала словно из чудотворного источника, наполнявшего меня неудержимой живучестью, энергию, которой раньше у меня не было.

Прошло два часа. Я отправила множество факсов, проверила почту, написала письма с отказами в различных встречах и привела в порядок письменный стол. Он молча работал за компьютером, нахмутив лоб и поджав губы. Его белые и изящные руки летали над клавиатурой. Ближе к часу дня он привлек мое внимание взмахом руки.

– Можешь сделать паузу, Мелисанда. Перекуси что-нибудь или прогуляйся.

– Спасибо, синьор.

– Ты начала читать мою книгу, которую я тебе дал? – его лицо было еще далеким, неподвижным, но в черных глазах заиграли отдаленные искорки хорошего настроения.

– Вы были правы, синьор. Это не мой жанр, – искренне ответила я.

Его губы изогнулись слегка в двусмысленной улыбке, способной пробить броню моей защиты. Хотя я считала, что эта броня надежней стали.

– Я и не сомневался. Могу поспорить, что твой жанр – это что-то вроде «Ромео и Джульетты».

В его голосе не было иронии, лишь констатация факта.

– Нет, синьор. – Возразить мне казалось естественным, словно мы были давно знакомы, и я могла быть с ним сама собой, без притворств и масок. – Я люблю только те истории, которые хорошо кончаются. Жизнь и без того слишком горькая, чтобы увеличивать дозу горечи еще и

книгой. Если я не могу видеть сны ночью, я хочу делать это хотя бы днем. Если я не могу себе позволить мечтать в жизни, я хочу позволить себе мечтать хотя бы с книгой.

Он внимательно обдумывал мои слова, долго не отвечая, но едва я встала, чтобы уйти, он меня остановил.

– Синьора МакМиллиан объяснила тебе, что значит название этого дома?

– Возможно, – ответила я, усмехнувшись. – Но боюсь, что слушала ее вполуха.

– Молодец! Я теряю нить разговора уже после десяти слов, – похвалил он меня без тени иронии. – Я никогда не умел приносить жертвы. Я законченный эгоист.

– Иной раз стоит им быть, – ответила я, не задумываясь. – Иначе растратишь себя на удовлетворение ожиданий других. И в итоге проживешь не свою жизнь, а ту, которую другие придумали для тебя.

– Очень мудро, Мелисанда Бруно. Всего лишь к двадцати двум годам ты нашла ключ к спокойствию духа. Не всем это дано.

– Спокойствию? – повторила я с горечью. – Нет. Мудрость понять что-либо не предполагает необходимости принять это. Мудрость рождается в голове, а сердце идет своим путем, независимым и опасным. И совершает фатальные отклонения от курса.

Он переместился на своем кресле на мою сторону письменного стола и пронизывающе взглянул на меня.

– Так что? Любопытно узнать смысл названия Midnight Rose или нет?

– Полуночная роза, – перевела я, борясь с волнением, порожденным его близостью. Я давно избегала мужской компании, со дня моего первого и единственного свидания. Достаточно злополучного, чтобы навсегда оставить след.

– Именно. В этой местности существует старая легенда, рассказываемая веками, а может и тысячелетиями, согласно которой, если увидеть в полночь, как распускается роза, то наше самое большое желание сбудется, как по мановению волшебной палочки. Даже если это желание темное и ужасное.

Он сжал руки в кулак, бросая мне вызов взглядом.

– Если целью этого желания является стать счастливым, то оно не может быть темным и ужасным, – спокойно ответила я.

Он внимательно посмотрел на меня, как будто не мог поверить своим ушам. Потом улыбнулся демонической улыбкой, от которой по моей спине пробежали мурашки.

– Слишком мудро, Мелисанда Бруно. Громкие слова для девушки, которая не может убить комара, не заплакав.

– Муху – возможно. С комарами у меня нет проблем, – коротко ответила я.

Он снова внимательно посмотрел на меня, и далекий огонек, плавающий лед, загорелся в его темных глазах.

– Сколько ценных сведений о тебе, синьорина Бруно. За несколько часов я узнал, что ты дочь бывшего шахтера, увлеченного Дебюсси, не умеешь видеть сны и ненавидишь комаров. Почему, спрашиваю я себя? Что тебе сделали эти бедные создания? – издевательство в его голосе было очевидным.

– Бедные? Как бы не так! – с готовностью ответила я. – Это паразиты, которые питаются кровью других. Это совершенно бесполезные насекомые в отличие от пчел и чуть менее симпатичных мух.

Он ударил рукой по своему бедру и рассмеялся.

– Мухи симпатичные? Ты очень странная, Мелисанда, и еще более забавная.

Его настроение менялось еще быстрее, чем у капризного марта. Улыбка погасла с кашлем, и он снова посмотрел на меня.

– Комары пьют кровь, потому что у них нет другого выбора, моя дорогая. Это их единственный источник питания. Разве ты можешь порицать их за это? У них совершенный вкус

по сравнению с превознесенными мухами, которые привыкли барахтаться в отходах человеческой жизнедеятельности.

Я посмотрела на полки письменного стола, заполненные бумагами, не выдержав его ледяного взгляда.

– Что бы ты сделала на месте комаров, Мелисанда? Отказалась бы питаться? Умерла бы от голода, лишь бы тебя не назвали паразитом? – его речь была поспешной, словно ответ требовался немедленно.

– Вероятно, нет, – согласилась я. – Но я не уверена. Я должна оказаться на месте комара, чтобы ясно понять это. Мне хотелось бы верить, что я нашла бы альтернативы, – сказала я и аккуратно отвела взгляд.

– Далеко не всегда есть альтернативы, Мелисанда, – на мгновение его голос дрогнул под влиянием страдания, о котором я ничего не знала, но с которым он жил каждый день, долгие пятнадцать лет. – Увидимся в два, синьорина Бруно. Будьте пунктуальной.

Когда я обернулась к нему, он уже крутанул колеса кресла, спрятав от меня лицо. Осознание совершенной ошибки сжало в тиски мое сердце, но я не могла ее исправить.

В молчании я покинула комнату.

Глава третья

Ровно в два я появилась в кабинете. Кайл собирался уходить, неся перед собой нетронутый поднос с выражением лица человека, который хотел бы бросить все и всех и сбежать куда-нибудь на другой конец света.

– Он в отвратительном настроении и ничего не хочет есть, – пробурчал он.

Мысль о том, что я стала невольной причиной такого его состояния, глубоко ранила меня, каждую клеточку моего души. Я никому никогда не делала больно, всегда ходила на цыпочках, чтобы никого не побеспокоить, внимательная к каждому своему слову, чтобы никого не обидеть.

Я перешагнула порог, толкнув рукой дверь, оставленную Кайлом открытой. Его взгляд взметнулся вверх, когда я вошла.

– Ах, это Вы. Входите, синьорина Бруно. Пошевеливайтесь, пожалуйста.

Я, не теряя времени, подчинилась.

Он оторвал взгляд от письменного стола, устланного бумагами, исписанными мелким мужским почерком.

– Отправьте эти письма. Одно – директору моего банка, второе – по адресу, указанному на конверте.

– Немедленно, синьор МакЛэйн, – ответила я покорно.

Когда я подняла на него глаза, то увидела, как на его лицо вернулась улыбка.

– Какая формальность, синьорина Бруно! Нет никакой спешки. Эти письма не такие уж и важные. Это не вопрос жизни и смерти. Я живой мертвец уже много лет.

С этим жестким заявлением, кажется, вернулось его хорошее настроение. Улыбка стала заразительной и согрела мою смятенную душу. К счастью, он никогда не оставался угрюмым слишком долго, хотя его ярость была всегда неожиданной и жестокой.

– Вы умеете водить, Мелисанда? Мне необходимо отправить Вас в местную библиотеку за книгами. Мне нужно изучить один вопрос, – его улыбка сменилась гримасой. – Естественно, я не могу поехать сам, – добавил он в качестве объяснения.

Я смущенно сжала в руке листы, рискуя смять их.

– Нет, у меня нет прав, синьор, – извинилась я.

Удивление появилось на его прекрасном лице.

– Я думал, что нынешняя молодежь старается поскорее повзрослеть исключительно для того, чтобы иметь право водить. Тем более они все равно делают это тайком.

– Я другая, синьор, – лаконично ответила я. И это было правдой. Почти чужеродная в моем отличии.

Он испытующе посмотрел на меня своими черными глазами, словно сканером. Я выдержала его взгляд, пытаясь найти благовидное извинение этому факту:

– Я боюсь водить, а потому это могло бы привести к несчастью, – поспешно объяснила я, расправляя листки, которые смяла.

– После всей искренности с Вашей стороны, я чувствую запах лжи, – монотонно произнес он.

– Это правда. Я действительно могла бы... – я замолчала на несколько мгновений, потом продолжила: – ...могла бы в самом деле убить кого-нибудь.

– Смерть – это наименьшее зло, – прошептал он. Потом опустил глаза на свои ноги и сжал челюсти.

Мысленно я проклинала себя. Снова. Я действительно привожу к несчастью, даже не будучи за рулем. Опасная для общества, непростительно бесчувственная, способная лишь совершать оплошности.

– Я обидела Вас, синьор МакЛэйн? – беспокойство, звучавшее в моем вопросе, заставило его очнуться от пережитого ужаса.

– Мелисанда Бруно, молодая женщина, приехавшая неизвестно откуда, чудная и забавная, как мультяшный персонаж... Как может такая девушка обидеть великого писателя ужасов, злобного сатаниста Себастьяна МакЛэйна? – его голос был ровным в отличие от резкости его фраз.

Я нервно теребила руками, как на первой встрече.

– Вы правы, синьор. Я никто. И...

Его глаза угрожающе сузились.

– Еще чего! Вы не никто. Вы Мелисанда Бруно. Следовательно, Вы кое-кто. Никогда не позволяйте никому унижать себя, даже мне.

– Я должна научиться помалкивать. И прежде, чем я приехала в этот дом, мне удавалось это превосходно, – бессильно прошептала я, склонив голову.

– Midnight rose обладает способностью вытаскивать наружу все худшее, что в Вас есть, Мелисанда Бруно? Или Ваш покорный слуга имеет такое невероятное воздействие на Вас? – обратил он на меня доброжелательную улыбку с великодушием монарха.

Я радостно приняла это молчаливое предложение перемирия и улыбнулась ему в ответ.

– Думаю, это Ваша вина, – произнесла я тихо, словно признаваясь в смертном грехе.

– Я знал, что я демон, – улыбаясь, ответил он. – Но до этого момента? Я не могу подобрать слова...

– Если хотите, я принесу словарь, – сказала я, смеясь. Атмосфера становилась веселой, как и мое сердце.

– Я полагаю, что настоящий чертенок – это Вы, Мелисанда Бруно, – продолжил он дразнить меня. – Живой Сатана, посланный нарушить мой покой.

– Покой? Вы не путаете со скукой? – пошутила я.

– Если это была скука, с Вами я больше ее не испытаю, это уж точно. Может, даже прекращу оплакивать ее, – ответил он решительно.

Мы смеялись, оба, на одной и той же волне, когда кто-то постучал в дверь. Три раза.

– Синьора МакМиллиан, – предугадал он, не отрывая взгляда от моего лица.

Я неохотно открыла дверь экономке.

– Пришел доктор МакИнтош, синьор, – сказала женщина с ноткой тревоги в голосе.

Писатель на мгновение помрачнел.

– Сегодня вторник?

– Точно так, синьор. Хотите, чтобы я проводила его в Вашу комнату? – любезно спросила она.

– Да. Позови Кайла, – распорядился он сухим, как центнер пыли, тоном. Потом он повернулся ко мне с еще более сухим выражением лица. – Увидимся позже, синьорина Бруно.

Я последовала за экономкой по лестнице.

– Доктор МакИнтош – местный медик, – ответила она на мой невысказанный вопрос. – Он приходит каждый вторник провести синьора МакЛэйна. Если не считать паралича, он здоров как бык. Так что это всего лишь традиция и бдительность.

– Но его... – в нерешительности запнулась я, стараясь подобрать слова, – ... его состояние непоправимо?

– К несчастью, да. Нет никаких надежд, – грустно подтвердила она.

У подножия лестницы стоял в ожидании мужчина, покачивая чемоданчиком с инструментами.

– Итак, Миллисент? Он снова забыл о моем визите? – врач подмигнул мне, ища моей поддержки. – Вы новая секретарша, верно? Теперь Ваша обязанность напоминать ему о следу-

ющих визитах. Каждый вторник, в три часа дня. – Он протянул мне руку с дружеской улыбкой: – Я поверенный медик, Джон МакИнтош.

Он был высоким, почти как Кайл, но старше, между шестьюдесятью и семьюдесятью.

– Я Мелисанда Бруно, – ответила я ему на рукопожатие.

– Экзотическое имя для красоты, достойной шотландских женщин.

Восхищение в его взгляде было красноречивым. Я благодарно улыбнулась ему. Пока я не приехала в это село, которое даже не было обозначено на карте, я считалась милой, привлекательной, а в большинстве случаев – посредственной. Но красивой – никогда.

Синьора МакМиллиан озарилась улыбкой от этого комплимента, как будто она была моей матерью, а я – ее дочерью на выданье. Но к счастью, медик был староват и к тому же женат, судя по большому кольцу, иначе она бы точно загорелась идеей устроить пышную свадьбу в таком идиллическом уголке, как Midnight Rose.

Проводив его наверх, она вернулась ко мне с озорным выражением на бледном лице.

– Жаль, что он женат. Он мог бы быть отличной парой для Вас.

«Жаль, что он стар», добавила бы я. Я некоторое время помолчала, чтобы напомнить себе, что МакМиллиан было, по крайней мере, лет пятьдесят, и что она считала медика приятательным и желанным мужчиной.

– Я не ищу женихов, – напомнила я ей сдержанно. – И надеюсь, что Вы не захотите предложить мне также Кайла.

– Он тоже женат, – отрицательно покачала она головой. – То есть... Он разведен, что в наших местах очень редко случается. К тому же он мне не нравится. Есть в нем нечто зловещее и похотливое.

Я хотела возразить, что кто-либо должен, прежде всего, нравится мне, но потом отказалась от этой затеи. И прежде всего потому, что Кайл не нравился и мне тоже. Он совершенно не принадлежал к тому типу мужчин, о которых я мечтала бы, если бы была в состоянии это делать.

Хотя нет, я была несправедливой. Правда заключалась в том, что после встречи с загадочным и непростым Себастьяном МакЛэйном было сложно найти кого-то того же уровня. Я тут же мысленно назвала себя глупой. Смешно и банально попадаться в сети красивого писателя. Он был всего лишь моим работодателем, и я не собиралась закончить так же, как миллионы других секретарш, безнадежно влюбленных в своего начальника. Кресло на колесиках или нет, но Себастьян МакЛэйн за пределами моей досягаемости. И это не обсуждалось.

– Я пойду наверх, – сказала я. – Сколько длятся эти визиты обычно?

Экономка весело рассмеялась.

– Дольше, чем синьор МакЛэйн способен выдержать, – и она пустилась в многочисленные рассказы о визитах врача. Но я в зародыше прервала их, глубоко убежденная в том, что если бы у меня было достаточно времени, я бы проводила его, непрерывно слушая ее до следующей среды.

Я мерила шагами, приглушаемыми ковриком, первый этаж, когда увидела Кайла, выходящего из спальни. Кажется, это была спальня нашего общего работодателя.

Он сразу заметил меня и доверительно подмигнул мне, но я осталась невозмутимой, решив не потакать ему. Синьора МакМиллиан была права: есть в нем нечто глубоко отталкивающее.

– Каждую среду одна и та же история. Я бы хотел, чтобы МакИнтош прекратил эти бесполезные визиты. Результат всегда один и тот же. Как только он уйдет, на меня тут же выльется ушат плохого настроения его подопечного, – сказал он, широко улыбаясь. – И на тебя тоже.

– Это наша работа, нет? – пожала я плечами. – Нам платят в том числе и за это.

– Может, недостаточно. И потом, это невыносимо, – сказал он таким неуважительным тоном, что я остолбенела. Я не была уверена в том, что это всего лишь прямолинейность, при-

сухая сельским жителям, искренним в своих безжалостных суждениях. Это было нечто другое, что-то вроде зависти к тем, кто мог позволить себе не работать, и для кого работа была всего лишь хобби, как для МакЛэйна. Это явно была зависть, несмотря на то, что он был прикован к инвалидной коляске, более заключенный, чем каторжник.

– Ты не должен так говорить, – воскликнула я. – А если он тебя услышит?

– В этих краях не так легко найти работников. Ему будет непросто заменить меня, – сказал он таким тоном, словно снисходительно оказывал ему услугу. Его слова были совершенно идентичны словам МакЛэйна, и я со всей ясностью поняла их правдивость.

– Здесь нет возможности поразвлечься, – продолжил он еще более вкрадчивым тоном. Случайно, по крайней мере, на первый взгляд, он взъерошил мне волосы на лбу. Я мгновенно отпрянула, рассерженная его горячим дыханием прямо мне в лицо. – Может, в следующий раз, когда я прикоснусь к тебе, ты оценишь это особенно, – произнес он, нисколько не обидевшись.

Уверенность, с которой он это сказал, вызвала во мне неимоверную ярость.

– Следующего раза не будет, – прошипела я. – Я не ищу развлечений. Тем более такого типа.

– Конечно, конечно. На данный момент.

Я стоически постаралась сдержаться, как бы мне ни хотелось отвесить ему пинок или пощечину по его наглой физиономии. Я широким шагом направилась по коридору, игнорируя его тихий хохот. Я уже собиралась открыть дверь в свою комнату, когда распахнулась дверь спальни МакЛэйна, и я ясно услышала его голос:

– Проваливай из этого дома, МакИнтош! И если ты действительно хочешь сделать мне одолжение, никогда больше не возвращайся!

Ответ медика был спокойным, словно он уже давно привык к этим вспышкам гнева:

– Я приду в среду в тот же час, Себастьян. Я рад видеть тебя здоровым, как бык. Твой внешний вид и твое тело могут сравниться с телом двадцатилетних.

– Какая отличная новость, МакИнтош, – послышался его голос, полный иронии. – Я сейчас пойду и отмечу это. Пожалуй, даже потанцую.

Врач закрыл дверь, не удостоив его ответа. Повернувшись, он увидел меня и устало улыбнулся.

– Вы привыкнете к его изменчивому настроению. Он может быть очень любезным, когда захочет. То есть очень редко.

– Любой бы на его месте был таким, – бросилась я на защиту своего начальника.

– Не любой, – смеясь, сказал МакИнтош. – Все реагируют по-своему, синьорина Бруно. Имейте это в виду. Через пятнадцать лет он должен был бы принять случившееся. Но я боюсь, что Себастьян, не умеет этого делать. Он такой... – заколебался он, – ... эмоциональный. В более широком смысле этого слова. Он пылкий, взрывной, упрямый. Это ужасная трагедия, которая случилась именно с ним, – покачал он головой, будто божественные планы показались ему необъяснимыми. Потом он коротко попрощался со мной и пошел прочь.

Я совершенно не знала, что мне делать. Я рассматривала дверь в свою комнату. Врач был таким покорным, что это озадачило меня, и я теперь боялась столкнуться с МакЛэйном после его гневной вспышки, хоть она и не была направлена на меня лично. Я все еще не могла решиться, когда раздался его голос:

– Синьорина, Бруно! Срочно идите сюда!

Ему пришлось кричать, чтобы я услышала его сквозь эту толстую дверь, но это было уже слишком для моих расстроенных нервов. Я открыла дверь в его комнату, лишь по инерции передвигая ноги.

Впервые я вошла в его спальню, но ее обстановка мне была безразлична. Мой взгляд был прикован к фигуре, распростертой на кровати.

– Где Кайл? – резко спросил он. – Это самый ленивый человек, которого я только знаю.

– Я пойду поискать его, – предложила я, радуясь, что подвернулась причина сбежать из этой комнаты, от этого мужчины, от этого момента. Но он буквально пригвоздил меня своим ледяным взглядом.

– Позже. А сейчас войдите внутрь.

Страх, который я испытывала, почему-то утих, дав мне возможность войти в комнату с поднятой головой.

– Могу я что-нибудь сделать для Вас?

– А что Вы могли бы сделать? – с ироничной улыбкой на губах произнес он. – Предоставить мне свои ноги? Вы бы сделали это, Мелисанда Бруно? Если бы это было возможным? Сколько стоят Ваши ноги? Миллион, два, три миллиона стерлингов?

– Я бы не стала делать это ради денег, – быстро ответила я.

Он приподнялся на локтях и пристально посмотрел на меня.

– А ради любви? Вы сделали бы это ради любви, Мелисанда Бруно?

Он насмеялся надо мной, как обычно. Но все-таки на несколько мгновений у меня возникло ощущение, что невидимые порывы ветра подталкивают меня в его объятия. Но этот миг мгновенного безумия быстро прошел, и, вздрогнув, я напонила себе, что стою перед совершенно незнакомым человеком, который не был принцем в сияющих доспехах, о котором я даже не была в состоянии мечтать. И, разумеется, он не был мужчиной, который мог бы влюбиться в меня. При нормальных обстоятельствах, я бы никогда не оказалась в этой комнате в столь интимный момент, без каких-либо масок, без всякой защиты, без любой формальности внешнего мира.

– Я никогда не любила, синьор, – задумчиво ответила я. – Следовательно, я не знаю, что бы я сделала в этом случае. Принесла бы я такую жертву ради любимого человека? Не знаю. В самом деле.

Он ни на мгновение не отводил от меня глаз, словно не был в состоянии это сделать. Или мне это только казалось, потому что это было именно то, что я сама испытывала в тот момент.

– Это чисто теоретический вопрос, Мелисанда. Подумай, если бы ты была влюблена... Ты бы отдала свои ноги или душу? – спросил он загадочным тоном.

– А Вы бы, синьор, сделали бы это?

Он рассмеялся. Смех, прозвучавший в комнате, был неожиданным и свежим, как весенний ветер.

– Я бы это сделал, Мелисанда. Потому что я любил и знаю, что при этом испытывают.

Он исподлобья подмигнул мне, будто ожидая вопросов с моей стороны, но я их не задала. Я не знала, что сказать. Я могла бы говорить о винах или астрономии, результат был бы тот же самый. Я не была способна обсуждать тему любви. Потому что я не знала, что это такое.

– Подкати кресло, – сказал он приказным тоном.

Я была рада выполнить задание, к которому была готова, потому подчинилась. Он сильно напряг руки и с непревзойденным мастерством скользнул в свое орудие пытки. Настолько же ненавистное, насколько необходимое и ценное.

– Я понимаю, как Вы себя чувствуете, – сказала я с состраданием.

Он поднял глаза и посмотрел на меня. Вена запульсировала на его правом виске. Ог был разозлен моим комментарием.

– Ты понятия не имеешь, как я себя чувствую, – прошипел он. – Я другой. Другой, понимаешь?!

– Я такая с рождения, синьор. И могу понять, поверьте мне, – возразила я жалобно.

Он постарался поймать мой взгляд, но я не смогла ответить ему.

В дверь постучали, и я с облегчением подумала, что пришел Кайл.

– Вы звали меня, синьор МакЛэйн?

Писатель сделал гневный жест.

– Где ты шляешься, бездельник?

В глазах помощника вспыхнула молния возмущения, но он промолчал.

– Подождите меня в кабинете, синьорина Бруно, – сказал мне МакЛэйн голосом, все еще дрожавшим от негодования.

Я, не оборачиваясь, вышла из комнаты.

Глава четвертая

Прошло несколько дней, прежде чем мне снова удалось найти с владельцем Midnight Rose ту начальную алхимию, которая впоследствии оказалась потерянной.

Я избегала Кайла, как заразу, чтобы не давать ему ни малейшей надежды. Его глаза, вечно алчные, старались поймать мой взгляд каждый раз, когда мы сталкивались с ним. Я же держала его на должном расстоянии в надежде, что этого достаточно, чтобы не позволить ему предпринять новые и неприятные приставания.

В качестве компенсации я начала ценить общество синьоры МакМиллиан. Она оказалась остроумной женщиной, а вовсе не сплетницей, как ошибочно я подумала вначале. Она была лояльной до мозга и костей к МакЛэйну, и это качество нас очень сближало. Я выполняла ее просьбы со страстным усердием, счастливая тем, что могу хотя бы частично переложить это бремя с ее плеч на свои.

Мне не хватало наших перепалок с ним, и сердце всегда угрожающе взрывалось, когда они начинались. Неожиданные, какими они были с самого начала.

– Проклятье!

Я резко подняла голову, склоненную над документами, которые я приводила в порядок. Глаза его были закрыты, а на лице появилось выражение очень уязвимого мальчика.

– Все хорошо?

Его взгляд был совершенно ледяным, что я даже пожалела, что он открыл глаза.

– Это мой проклятый издатель! – пояснил он, размахивая листком бумаги. Это было письмо, полученное утренней почтой, которое я не заметила. Моей обязанностью являлось просматривать корреспонденцию, и я очень сожалела, что не увидела письмо первой. Возможно, он злился на меня, что я пропустила важное сообщение. Но его следующие слова раскрыли тайну.

– Я бы хотел, чтобы это письмо потерялось по дороге, – раздраженно сказал он. – Он требует, чтобы я отправил остальную часть рукописи. – Мое молчание, кажется, лишь усилило его гнев. – А у меня нет других глав, чтобы отправить ему!

– Но я целыми днями вижу Вас за написанием... – осмелилась я смущенно возразить.

– Целыми днями я пишу всякую ерунду, достойную только того, чтобы оказаться там, где она находится, – уточнил он, указывая на камин.

Я заметила, что огонь в камине был зажжен еще вчера, и я весьма удивилась этому, учитывая летнюю жару. Но я не рискнула попросить объяснений.

– Попробуйте выслушать Вашего издателя. Хотите, я наберу его номер? – быстро предложила я. – Я уверена, что он поймет...

Он прервал меня, резко взмахнув рукой, будто хотел отогнать надоедливую муху.

– Поймет что? Что я в творческом кризисе? Что я переживаю классический писательский застой? – его насмешливая улыбка заставила трепетать мое сердце, будто он ласкал его. Он бросил письмо на стол. – Книга не продвигается. Впервые в моей карьере мне кажется, что мне больше нечего писать, что я исчерпал свои ресурсы.

– Ну, тогда займитесь чем-нибудь другим, – сказала я порывисто.

Он посмотрел на меня, как на умалишенную.

– Что, простите?

– Возьмите паузу. Это помогает понять, что происходит, – пылко объяснила я.

– И чем я буду заниматься? Немного джоггинга? Путешествие на машине? Или, может, поиграть в теннис? – сарказм в его голосе был настолько острым, что буквально раздирал меня. Мне казалось, что я чувствую липкое тепло текущей из ран крови.

– Существуют не только физические увлечения, – сказала я, наклоняя голову. – Вы могли бы немного послушать музыку. Или почитать.

Похоже, он был готов убить меня, как человека, который посоветовал худшую галиматью из всех возможных. Но глаза его внимательно рассматривали меня.

– Музыка... Неплохая идея. Тем более у меня нет лучшей. – Он указал мне на проигрыватель, стоящий на самой верхней полке библиотеки. – Достаньте его, пожалуйста.

Я залезла на стул и спустила проигрыватель вниз, разглядывая детали.

– Потрясающе! Он настоящий, правда?

Он кивнул, и я поставила его на письменный стол.

– Я всегда увлекался старинными вещами, хотя, конечно, этот достаточно современный. В красной коробке Вы найдете виниловые пластинки.

Я остановилась перед библиотекой с вытянутыми по бокам руками. На той же полке, где раньше стоял проигрыватель, находились две темные коробки одинаковых размеров. Я провела языком по сухим губам, почувствовав, как пересохло в горле.

– Поторопитесь, синьорина Бруно, – нетерпеливо позвал он меня. – Я понимаю, что я никуда не хожу, но это не значит, что Вы должны быть такой медлительной. Вы что, черепаха? Или берете уроки у Кайла?

«Я никогда не смогу привыкнуть к его сарказму», – гневно подумала я, поспешно раздумывая над тем, поведать ему о моей несуразной аномалии или избрать более легкий путь, как я это делала раньше? Или взять коробку наугад в надежде, что она окажется красной? Я не могла открыть ее и посмотреть содержимое, потому что коробки были заклеены широкой лентой скотча. Но при мысли об ужасных шутках, предметом которых я стану, если открою правду, я передумала. Я поднялась на стул, взяла одну коробку и поставила ее на письменный стол, не глядя на него.

Я слышала, как он роеся в ней, молча. Удивительно, но это оказалась именно красная коробка, и я снова начала дышать.

– Вот он, – протянул он мне диск Дебюсси.

– Почему именно Дебюсси? – спросила я.

– Потому что я по-новому взглянул на Дебюсси с тех пор, как узнал, что Ваше имя было выбрано в его честь.

От простоты его ответа у меня перехватило дыхание, а сердце корчилоь среди острых, словно терновник, надежд. Потому что эти слова были слишком прекрасными, чтобы поверить в них.

Я не умела видеть снов. Возможно, потому, что мой мозг еще с рождения понял то, что мое сердце отказывалось понимать: сны никогда не станут реальностью. По крайней мере, мои.

Музыка заполнила пространство комнаты. Сначала тихо, а потом все громче, пока, наконец, не стала волнующей и пленительной.

МакЛэйн закрыл глаза, откинувшись на спинку кресла, вслушиваясь в ритм и присваивая его себе, словно совершая разрешенную кражу.

Я взирала на него, пользуясь тем, что он не смотрел на меня. Он выглядел невероятно молодым и хрупким в тот момент. Казалось, что легкий ветерок способен унести его прочь от меня. Я тоже закрыла глаза от этой неприличной и глупой мысли. Он не был моим. И никогда не мог им стать. В инвалидном кресле или нет. Я должна понять это, должна быть благоразумной, безропотно смиренной, должна прийти к душевному равновесию. Я не могу поставить под угрозу клетку, в которой я добровольно заперла себя. Не могу рисковать ради простой фантазии, несбыточной мечты, достойной подростка, и обрекать себя на ужасные страдания.

Музыка, пламенная и опьяняющая, прекратилась.

Мы открыли глаза в одно и то же мгновение. В его взгляде вновь появился привычный холод. Мой же взор был мечтательным, сонным.

– Таким образом книга не продвинется дальше, – произнес он. – Уберите проигрыватель, Мелисанда. Я хотел бы немного пописать. Или точнее переписать все. – Потом он одарил меня ослепительной улыбкой: – Идея с музыкой была гениальной. Спасибо.

– Но Вам не кажется... Я не сделала ничего особенного, – пробормотала я, избегая его взгляда, той глубины, в которой я имела все шансы затеряться.

– Нет, Вы на самом деле не сделали ничего особенного, – подтвердил он, опустив меня ниже плинтуса. – Вы особенная, Мелисанда. Вы, а не то, что Вы говорите или делаете.

Его глаза как обычно пытались поймать мой взгляд. Он поднял бровь с иронией, которую я уже очень хорошо знала.

– Спасибо, синьор, – смиренно ответила я.

Он рассмеялся, словно я рассказала ему анекдот. Он не обижался на меня. Я казалась ему забавной. Возможно, это лучше, чем ничего. Я мысленно вернулась к нашему разговору, состоявшемуся несколько дней назад, когда он спросил меня, согласилась бы я отдать ноги или душу ради любви. Тогда я ответила, что никогда не любила, а потому не знаю, как бы я поступила. Теперь же я осознавала, что могла бы ответить ему на тот сложный вопрос.

Он придвинул к себе компьютер и начал писать, закрывшись от меня в своем мире. Я же вернулась к своим обязанностям, хотя мое сердце дрожало. Влюбиться в Себастьяна МакЛэйна было равносильно самоубийству. А у меня не было желания становиться камикадзе. Правильно? Я была здравомыслящей девушкой, практичной, разумной, неспособной видеть сны. Даже с открытыми глазами. Или я была такой до настоящего момента..?

– Мелисанда?

– Да, синьор? – повернулась я к нему, удивленная его обращением. Когда он начинал писать, он абстрагировался от всего и всех.

– Мне хочется, чтобы здесь были розы, – произнес он, указывая на пустую вазу на письменном столе. – Попроси Миллисент поставить их сюда, пожалуйста.

– Конечно, синьор, – взяла я вазу обеими руками, зная, насколько она тяжелая.

– Красные розы, – уточнил он. – Как твои волосы.

Я покраснела, хотя в его словах не было ничего романтического.

– Хорошо, синьор.

Я почувствовала на своей спине его взгляд, пока аккуратно открывала дверь и выходила в коридор. Выйдя, я спустилась на нижний этаж, крепко держа в руках вазу.

– Синьора МакМиллиан! Синьора! – позвала я, но нигде не было видно пожилой женщины. Смутное воспоминание пришло мне в голову. За завтраком экономка говорила мне что-то относительно выходного дня... Интересно, она имела в виду сегодня? Сложно сказать. МакМиллиан была кузницей запутанных сведений, и мне редко удавалось выслушать ее сначала и до конца. В кухне ее тоже не было. Огорченная я поставила вазу на стол около корзины со свежими фруктами.

Блестяще. Теперь я должна нарезать в саду розы. Задание за пределами моих способностей. Проще поймать облако и сплясать вальс.

В ушах невыносимо зазвенело, и с ощущением неминуемой катастрофы я вышла на свежий воздух. Розарий лежал передо мной, пылающий огнем лепестков. Красные, желтые, розовые, белые, даже синие. Жаль только, что я живу в черно-белом мире, где все было всего лишь оттенком. В мире, где цвет был чем-то необъяснимым, чем-то неопределенным, запретным. Я даже не могла мечтать о том, чтобы различать цвета, поскольку я не знала, что это такое. С рождения.

Я сделала нерешительный шаг к розарию, щеки мои пылали. Мне нужно придумать себе извинения, чтобы объяснить мое возвращение без цветов. Сначала я должна была выбрать красную из двух коробок, теперь – принести розы того же цвета. Какой он, красный? Как представить что-то, если я этого даже не видела? Даже в книге.

Я наступила на сломанную розу и, наклонившись, подняла ее. Она была уже увядшей, слабой в своей растительной смерти, но все еще пахла.

– Что ты здесь делаешь?

Я резко отбросила со лба волосы, пожалев, что не завязала их как обычно в хвостик. Они были длинными и уже мокрыми от пота.

– Мне надо собрать розы для синьора МакЛэйна, – ответила я лаконично.

Кайл улыбнулся мне своей привычной улыбкой, полной раздражающих намеков.

– Тебе помочь?

В этих словах, брошенных на ветер, пустых и двусмысленных, был путь к спасению, неожиданный выход из положения, и его надо было ловить на лету.

– На самом деле это должен был сделать ты, но тебя нигде не было видно. Как обычно, – язвительно сказала я.

– Я не садовник, – дрожь пробежала по его лицу. – Я и так много работаю.

Это заявление заставило меня рассмеяться. Я приложила руку ко рту, чтобы приглушить свое веселье.

– Это правда, – гневно сказал он. – Кто, по-твоему, помогает ему мыться, одеваться, передвигаться?

Мысль об обнаженном Себастьяне МакЛэйне произвела в моей голове короткое замыкание. Мыться, одеваться... Обязанности, которые я бы выполняла с удовольствием. Но мысль, что я никогда не буду этим заниматься, заставила ответить меня язвительно.

– Зато ты свободен большую часть дня. Конечно, ты всегда здесь, но тебя редко беспокоят, – добавила я дозу. – Давай, помоги мне.

Он все еще стоял раздраженный, а я протянула ему ножницы с улыбкой.

– Красные розы, – уточнила я.

– Будет сделано, – пробурчал он, принимаясь за работу.

Когда букет был готов, я пошла за ним на кухню, где стояла ваза. Мне казалось правильным, если мы разделим задание: он понесет вазу, а я – цветы.

МакЛэйн все еще воодушевленно писал и прервался лишь, когда мы вошли. Вместе.

– Теперь я понимаю, почему ты так долго отсутствовала, – прошипел он в мою сторону.

Кайл поспешил уйти, грубо поставив на стол вазу. На мгновение я даже подумала, что она упадет. Он уже вышел, когда я принялась ставить в вазу розы.

– Это было таким сложным заданием, что тебе потребовалась помощь? – спросил он, а глаза его метали неконтролируемые вспышки молнии.

Я взмахнула руками, как рыба плавниками, которая очень глупо попала на крючок.

– Ваза была тяжелой, – извинилась я. – В следующий раз я не возьму ее с собой.

– Очень мудро, – сказал он ангельским голосом, но с лицом, затененным двухдневной небритостью, он казался злобным демоном, явившимся прямо из ада, чтобы тиранить меня.

– Я не нашла синьору МакМиллиан, – настаивала я. Рыба, которая все еще болталась на крючке и которая еще не поняла, что это было любовью.

– Ах, конечно, это ее выходной день, – подтвердил он. Потом его затихший гнев снова вспыхнул. – Я не хочу любовных историй между моими подчиненными.

– Мне это даже не приходило в голову, – сказала я так поспешно и искренне, что получила одобрительную улыбку от него.

– Меня это радует, – взгляд его был ледяным, несмотря на улыбку. – Но это не относится ко мне. Я не против иметь любовные истории с подчиненными.

Я восприняла его слова, как еще более серьезное издевательство в моем отношении. Впервые мне захотелось ударить его, хотя это и не было первым разом. Но я не могла дать волю рукам, потому лишь сильнее сжала букет, забыв о шипах. Боль меня застала врасплох, будто обычно я была невосприимчива к шипам, когда была занята перепалкой с другими.

– Ай! – отдернула я руку.

– Ты укололась?

Мой взгляд был красноречивей любого ответа. Он протянул мне руку.

– Покажи мне.

Я автоматически протянула к нему руку. Красная капля крови выделилась на белой коже. Темная, черная капля для моих аномальных глаз. Красная – для его нормальных.

Я попыталась выдернуть руку, но он железной хваткой сжал ее. Я рассеянно смотрела на него. Он не отводил взгляда от моего пальца, словно хищник, который гипнотизирует добычу. Потом все закончилось, как обычно. Его выражение лица изменилось, когда я даже не успела его расшифровать. Казалось, он испытал отвращение и потому поспешно отвел взгляд. Моя рука стала свободной, и я приложила палец к губам, чтобы слизать кровь.

Его голова снова повернулась в мою сторону, будто ею управляла непреодолимая и не особо приятная сила. Выражение его лица было умирающим, страдающим. Но лишь на мгновение. Потрясающее и нелогичное.

– Книга продвигается хорошо. Я нашел новые ресурсы, – сказал он, словно отвечая на мой вопрос, который я не задавала. – Ты могла бы принести мне чашку чая?

Я ухватилась за его просьбу, как за веревку, брошенную утопающему.

– Конечно, сейчас принесу.

– В этот раз сможешь сделать сама? – его ирония была почти приятной, после пугающего взгляда мгновением ранее.

– Постараюсь, – ответила я, принимая игру.

В этот раз я не повстречала Кайла, и это было для меня облегчением. Я вошла в кухню, значительно более уверенной походкой, нежели в сад. Попробовав там все блюда в компании синьоры МакМиллиан, я выучила все ее тайники. Без проблем я нашла чайник на полке сбоку от холодильника и пакетики чая в коробке с другой стороны. Потом я вернулась наверх, держа в руках поднос.

МакЛэйн даже не поднял глаза, когда я вошла. Очевидно, его уши, как радары антенны, уже знали, что я была одна.

– Я принесла сахар и мед, потому что я не знаю, с чем Вы предпочитаете пить чай. А также молоко.

Он кивнул, взглянув на поднос.

– Не слишком тяжел для тебя?

– Я к этому приспособлена, – ответила я с достоинством. Защищаться от его словесных шуток становилось моей неотъемлемой привычкой, разумеется, более приятной, чем трагичное волнение несколько минут назад. – Синьор... – это был подходящий момент, чтобы задать такой важный для меня вопрос.

Он улыбнулся мне самой приятной и искренней улыбкой, как монарх, положительно относящийся к своему честному подчиненному.

– Да, Мелисанда Бруно?

– Я хотела бы спросить, когда у меня будет выходной? – произнесла я бесстрашно на одном дыхании.

Он развел руки и сладко потянулся, прежде чем ответить.

– Выходной? Ты еще даже не начала хорошо работать, а уже хочешь отдохнуть от меня?

Я перенесла вес с одной ноги на другую, глядя, как он наливает в чай ложечку молока и кладет сахар, а потом делает медленный глоток.

– Сегодня воскресенье, синьор. Выходной день синьоры МакМиллиан. А послезавтра будет ровно неделя с тех пор, как я приехала. Может, это повод обсудить мой выходной, синьор?

Судя по выражению его лица, он не собирался предоставлять мне никакого выходного дня.

– Мелисанда Бруно, может, ты полагаешь, что я не собираюсь предоставлять тебе выходной? – насмешливо спросил он, словно прочитав мои мысли. Я уже хотела ответить, что я даже не думала предположить нечто подобное, к тому же абсурдное, но он добавил: – ...потому что ты абсолютно права.

– Может, я не поняла, синьор. Это еще одна Ваша шутка? – слабым голосом спросила я, пытаюсь сдержаться.

– А если нет? – возразил он, глядя на меня бездонными, как океан, глазами.

Я смотрела на него с раскрытым ртом.

– Но синьора МакМиллиан...

– Кайл тоже не имеет выходных дней, – напомнил он мне с мрачной улыбкой.

У меня начало складываться ощущение, что он жутко веселится, насмехаясь надо мной.

– Но у него нет фиксированных часов, как у меня, – сухо сказала я. У меня возникло сумасшедшее желание исследовать село и окрестности, и меня раздражало, что я должна бороться за свои права. Он даже бровью не повел.

– И он всегда в моем распоряжении.

– И когда я могу уйти? – спросила я, повышая голос. – Ночью, может? Я свободна от заката до рассвета... Вместо того, чтобы спать, я должна шататься по ночам? В отличие от Кайла я живу здесь и не возвращаюсь домой вечерами.

– Не вздумай уходить ночью. Это опасно.

Его смиренные слова отпечатались в моем сознании, спровоцировав слабый трепет.

– Мы находимся в тупике, – сказала я ледяным тоном, каким часто был его тон. – Я хочу исследовать окрестности, а Вы не хотите предоставить мне свободный день, чтобы я могла сделать это. С другой стороны, Вы угрожающе советуете мне не выходить ночью, потому что это опасно. И что мне остается делать?

– Когда ты злишься, ты еще более прекрасна, Мелисанда Бруно, – сказал он некстати. – Злость окрашивает твои щеки в нежно-розовый цвет.

Я просто разомлела на мгновение от радости, вызванной его комплиментом. Но потом ко мне вернулась злость:

– Так что? Вы дадите мне выходной?

Он криво улыбнулся, и мой гнев уступил место какому-то другому непонятному ощущению.

– Ок, пусть будет воскресенье, – сказал он наконец.

– Воскресенье? – он сдался так быстро, что это меня просто ошеломило. Он так быстро принимал решения, что мне уже казалось, будто я не в состоянии за ним поспеть. – Но ведь это выходной день синьоры МакМиллиан... Вы уверены...?

– Миллисент выходная только по утрам. Вы можете взять выходной вечером.

Я кивнула не очень убедительно. Но мне ничего не оставалось, кроме как согласиться.

– Согласна.

– Вы не отнесете это на кухню, пожалуйста? – указал он на поднос.

Я уже дошла до двери, когда в голове моей со скоростью метеорита пронеслась мысль.

– Почему именно воскресенье? – я обернулась и посмотрела на него. У него было выражение гремучей змеи, и я все поняла в мгновение ока. – Потому что сегодня воскресенье, и мне придется ждать еще целых семь дней.

Победа Пирро. Я была так взбешена, что мне хотелось бросить в него поднос.

– Они быстро пролетят, – проговорил он, забавляясь. – И пожалуйста, не хлопай дверью, когда будешь уходить.

Я как раз собиралась это сделать, но мне помешал поднос. Я должна была бы поставить его на пол, потому я отказалась от этой идеи. И потом, он, вероятно, повеселился бы еще больше в этом случае.

В ту ночь, первый раз в своей жизни, я видела сны.

Глава пятая

Я была похожа на дух, почти призрак, в моей ночной рубашке, которая невидимо трепетала на ветру. Себастьян МакЛэйн любезно протягивал мне руку.

– Хочешь потанцевать со мной, Мелисанда Бруно?

Он неподвижно стоял на ногах у моей кровати. Никакого инвалидного кресла. Его лицо было бледным, почти таким же, как сон. Он преодолел разделяющую нас дистанцию с быстротой кометы и одарил меня обворожительной улыбкой человека, который не сомневается в счастье другого, потому что оно является отражением его собственного счастья.

– Синьор, МакЛэйн... Вы можете ходить... – мой голос был наивным, как у ребенка.

Он улыбнулся мне в ответ своими грустными темными глазами.

– По крайней мере, во сне, да. Ты даже во сне не хочешь называть меня Себастьяном, Мелисанда?

Я была смущена и боялась отказаться от формальностей даже в такой фантастический и нереальный момент.

– Согласна... Себастьян.

Его руки крепко и игриво обхватили мою талию.

– Ты умеешь танцевать, Мелисанда?

– Нет.

– Тогда позволь мне вести тебя. Думаешь, у тебя получится? – подозрительно посмотрел он на меня.

– Думаю, что нет, – искренне ответила я.

Он кивнул, несколько не смутившись моей искренности.

– Даже во сне?

– Я никогда не вижу снов, – недоверчиво сказала я.

И, тем не менее, я это делала. Это было неоспоримым фактом. Потому что это не могло быть реальностью: я в ночной рубашке в его объятиях, его нежный взгляд, отсутствие инвалидной коляски.

– Надеюсь, что проснувшись, ты не будешь слишком разочарована, – задумчиво произнес он.

– Почему я должна быть разочарована? – полюбопытствовала я.

– Я стану героем первого сна в твоей жизни. Тебя это не разочарует? – он серьезно и испытующе смотрел на меня.

Потом он отстранился, но я положила ему руки на плечи, жесткие, как когти.

– Нет, останься со мной, пожалуйста!

– Ты хочешь видеть меня в твоём сне?

– Я не хочу никого другого в моем сне, – смело сказала я. Я напомнила себе, что смотрю сон. Во сне я могла говорить все, что мне приходит в голову, не боясь последствий.

Он еще раз улыбнулся мне улыбкой, прекрасной, как никогда. Он кружил меня, ускоряя ритм по мере того, как я выучивала шаги. Этот сон был настолько реалистичный, что пугал меня. Кончики моих пальцев ощущали мягкость его кашемирового свитера, а под ним – твердость его мускулов...

И вдруг я услышала звон маятниковых часов и засмеялась:

– И здесь то же самое!

Звон часов меня не особо порадовал. Он был резкий, тревожный, старый. Себастьян отстранился от меня, нахмутив лоб.

– Я должен идти.

Я вздрогнула, словно в меня вонзилась пуля.

– Именно должен?

– Должен, Мелисанда. Сны тоже имеют свойство заканчиваться, – в его словах послышалась грусть, приправленная прощанием.

– Ты вернешься? – я не могла отпустить его без борьбы.

Он внимательно посмотрел на меня, как делал это обычно в течение дня в реальности.

– Как я могу не вернуться теперь, когда ты научилась видеть сны?

Это поэтическое обещание заставило сильнее забиться мое сердце, которое и так билось как сумасшедшее от одной только мысли, что я увижу его вновь.

Сон погас, как пламя свечи, и наступила ночь.

Первое, что я увидела, открыв глаза, был потолок с наружными балками, потом слегка прикрытое окно.

Я впервые видела сны.

Миллисент МакМиллиан одарила меня любезной улыбкой, когда я появилась на кухне.

– Доброе утро, дорогая! Хорошо спала?

– Как никогда в моей жизни, – лаконично ответила я. Сердце готово было выскочить из груди при воспоминании о герое сна.

– Я счастлива, – сказала экономка, даже не догадываясь о моих мыслях, и пустилась в подробнейший рассказ о дне, проведенном в селе. О мессе, о встрече с людьми, чьи имена мне ни о чем не говорили. Как всегда я позволила ей болтать, в то время как мой мозг занялся фантазиями, куда более приятными. Я постоянно посматривала на часы в лихорадочном ожидании встречи с ним.

Было, конечно, глупо думать, что этот день может стать другим, что он может вести себя по-другому. Это было лишь сном и ничем более. Но я, как весьма неопытный в этом вопросе человек, вообразила себя, что сон мог бы продолжиться в реальности.

Когда я вошла в кабинет, он открывал письма ножом для резки бумаг. Он быстро поднял глаза, чтобы лишь взглянуть на мое появление.

– Письмо от моего издателя. Я выключил телефон, чтобы он не доставал меня! Терпеть не могу людей, у которых нет фантазии... Они вообще не имеют ни малейшего понятия о жизни творческого человека, его времени, его пространстве...

Его жесткий тон вернул меня на землю. Никакого приветствия, никакого особого узнавания, никакого нежного взгляда. «Добро пожаловать в реальность», – поприветствовала я сама себя. Какая дурочка – думать обратное! Вот почему я никогда раньше не видела снов: потому что я не верила, не надеялась, не осмеливалась надеяться.

Мне нужно срочно стать снова Мелисандой, какой я была до этой встречи, до этого заблуждения.

Но, может, он приснится мне снова. Эта мысль согрела меня лучше чая синьоры МакМиллиан или жаркого солнца по ту сторону окна.

– Эй? Что Вы стоите, словно статуя? Садитесь, наконец.

Я покорно села напротив него, чувствуя, как румянец залил мою кожу. Он протянул мне письмо с серьезным лицом.

– Напишите ему и скажите, что он получит рукопись в предусмотренные сроки.

– Вы уверены, что успеете? Я хочу сказать... Напишите все...

– У меня парализованы ноги, а не мозг, – зло отреагировал он на мои слова. – У меня был лишь момент кризиса. Он закончился. Окончательно.

Я все утро провела в осторожном молчании, наблюдая, как он печатает на компьютере с необычайной энергией. Себастьян МакЛэйн был легко раздражаемым, подверженным смене настроения и вспыльчивым. Его можно было бы легко возненавидеть... Так думала я, рассматривая его. Но он был красив. Слишком красив, и он это знал. И это делало его еще более нена-

вистным. В моем сне он был воображаемым, проекцией моих желаний, нереальным человеком во плоти. Сон был лживым, изумительно лживым.

Вдруг он показал мне на розы:

– Замените их, пожалуйста. Терпеть не могу видеть, как они вянут. Я хочу видеть их всегда свежими.

– Сейчас сделаю, – вернулся ко мне голос.

– И будьте внимательны, чтобы не уколоться в этот раз, – твердость его тона меня ошеломила. Я никогда не была готова к его разрушительным вспышкам гнева.

Чтобы не рисковать, я взяла всю вазу и пошла вниз. Посреди лестницы мне встретила экономка, которая сразу же поспешила мне помочь.

– Что случилось?

– Он хочет новые розы, – объяснила я, переводя дух. – Говорит, что не переносит, когда они вянут.

– Каждый день что-нибудь новенькое, – возвела женщина глаза к небу.

Мы отнесли вазу на кухню, а потом она пошла за свежими розами, исключительно красными. Я же присела на стул, будто придавленная мрачной атмосферой дома. Мне никак не удавалось выкинуть из головы сон этой ночи, отчасти потому что это был первый сон в моей жизни, и меня до сих пор бросало в дрожь от этого, отчасти потому что он был таким живым, болезненно живым. Звук настенных часов заставил меня подскочить на месте. Он был настолько ужасным, что напугал меня даже во сне. Возможно, именно эта деталь и сделала сон таким настоящим.

Глаза мои наполнились слезами, неудержимыми и бессильными. В горле застряли рыдания, и я никак не могла с ними справиться. Именно в этом состоянии меня нашла экономка, когда вернулась на кухню.

– Вот свежие розы для нашего синьора и хозяина, – весело сказала она, но заметив слезы на моем лице, она прижала руки к груди: – Синьорина Бруно! Что случилось? Вам плохо? Это из-за головной боли синьора МакЛэйна? Он то насмехается, злобный, как медведь, то очаровательный, когда вспоминает о том, чтобы быть таким... Не волнуйтесь, что бы он Вам не сказал, он уже забыл об этом.

– В этом-то и проблема, – сказала я плачущим голосом, но она не услышала, погрузившись в свои дискуссии.

– Я приготовлю Вам чай, Вам полегчает. Я помню однажды, где я работала раньше...

Я молча переносила ее тяжелую тираду, ценя неудавшуюся попытку отвлечь меня. Выпив чай, я сделала вид, что чувствую себя лучше, и отклонила ее предложение помочь мне. Я могла сама отнести розы. Женщина настаивала на том, чтобы сопроводить меня хотя бы до лестничной площадки, и я не посмела отказаться от ее любезной настойчивости. Когда я вернулась в кабинет, я была прежней Мелисандой: с сухими глазами, спокойным сердцем и смиренной душой.

Часы тянулись долго и были тяжелыми, словно железобетон, под стать моему настроению. МакЛэйн игнорировал меня весь день, обращаясь ко мне лишь в случае острой необходимости. Жгучее желание, чтобы наступил закат, было сравнимо только с утренним желанием увидеть его вновь. Неужели возможно, чтобы прошло так мало времени?

– Можете идти, синьорина Бруно, – попрощался он, не глядя мне в глаза.

Я ограничилась тем, что пожелала ему хорошего вечера, уважительно и холодно, как он.

Я искала Кайла по его просьбе, когда услышала рыдания из-под лестницы. В нерешительности опустив глаза, я раздумывала, что делать. После тысячи сомнений, я все же решила направиться туда, откуда был слышен шум, и то, что я увидела, было невероятным.

Там был Кайл, неясные очертания лица которого были скрыты в тени. Он шмыгал носом, сжимая в руке платочек, и теперь казался лишь бледной копией того соблазнителя, которого я видела раньше. Я взирала на него, онемев от изумления.

Он заметил меня и сделал шаг вперед.

– Я вызываю жалость? Или хочешь посмеяться надо мной?

Я почувствовала себя так, будто он поймал меня в то время, когда я шпионила за ним. Но я пресекла его попытки оправдаться.

– Тебя ищет синьор МакЛэйн. Он хотел бы вернуться в комнату, чтобы поужинать. Но... Ты в порядке? Могу я помочь тебе?

Его щеки покрылись темными пятнами, покраснев от смущения. Он сделал шаг назад.

– Ладно, извини. Забудь то, что я сказала тебе. Я только и делаю, что вмешиваюсь в чужие дела, – произнесла я.

– Ты слишком очаровательна, чтобы быть человеком, везде сующим свой нос, – отрицательно покачал он головой с непривычной вежливостью. – Нет, я... Я расстроен из-за развода. – Только сейчас я поняла, что он сжимал в руках не носовой платок, а скомканный лист. – Это произошло. Все мои попытки сохранить брак рухнули.

На мгновение мне захотелось рассмеяться. Попытки? Какие попытки? Непристойные предложения единственной молодой женщине в окрестностях?

– Мне жаль, – сказала я с трудом.

– Мне тоже.

Он сделал снова шаг вперед, выходя из тени. Его лицо, залитое слезами, не соответствовало моему плохому мнению о нем.

Я в замешательстве смотрела на него, сильно смутившись. Что говорят, согласно правилам хорошего тона, людям, подавленным разводом? Как их утешить? Что сказать, чтобы не ранить еще больше? Когда правила хорошего тона были изданы, развод был недопустим.

– Я скажу синьору МакЛэйну, что ты не очень хорошо себя чувствуешь, – сказала я.

– Нет, нет, – запаниковал он. – Я не готов вернуться в людской мир и боюсь, что МакЛэйн ищет только причину, чтобы окончательно выгнать меня из Midnight rose. Нет. Я должен взять себя в руки и пойти.

– Да, конечно, ты должен взять себя в руки, – словно эхо убежденно повторила я. У Кайла в самом деле был ужасный вид: волосы растрепаны, лицо красное от слез, белая форма помята, словно он спал. – Согласна. Спокойной ночи, – попрощалась я с ним, стремясь поскорее оказаться в моей комнате. Это был длинный день, ужасно длинный, и я не была в состоянии утешать кого-то кроме себя.

Он кивнул мне головой, будто не доверял своему голосу.

Я заскочила в кухню, прежде чем подняться наверх. Мне совсем не хотелось ужинать, и я должна была сообщить об этом синьоре МакМиллиан. Когда я вошла, она обратила на меня свою лучезарную улыбку и показала на кастрюлю:

– Я готовлю суп. Я понимаю, что сегодня жарко, но мы же не можем питаться одними салатами до самого сентября.

Чувство вины буквально ударило мне по шее, потому я трусливо изменила свое решение:

– Я обожаю суп, вне зависимости от того, жарко или нет, – и прежде, чем она начала болтать, я рассказала ей о Кайле, опуская смущающие детали: – Кажется, он действительно расстроен разводом, – произнесла я, садясь за стол.

Она кивнула, продолжая помешивать суп.

– Эти отношения должны были закончиться. Жена переехала в Эдинбург несколько месяцев назад и, говорят, завела кого-то другого. Знаете, какие бывают злые языки... Он не святой, но привязан к этим местам и никогда не смог бы оставить село.

Я налила себе воды из графина.

– Именно поэтому он не хочет уходить отсюда?

Экономка разлила суп по тарелкам, и я тут же начала поглощать его. Я даже не предполагала, что была такой голодной.

– Кайл только и делает, что говорит о том, что ему страшно надоело это место, этот дом, синьор МакЛэйн, однако он не уходит. Кто другой взял бы его?

Я с любопытством посмотрела на нее поверх тарелки.

– Он не дипломированный медбрат?

МакМиллиан аккуратно разломил кусок хлеба на две половинки.

– Дипломированный. Но посредственный и ленивый. Нельзя сказать, конечно, что он убивается здесь. И потом, так часто этот дурной запах алкоголя. Я не хочу сказать, что он пьяница, но... – в голосе ее звучало явное неодобрение.

– Я люблю этот дом, – сказала я, не задумываясь.

– Неужели, синьорина Бруно? – ошеломленно воскликнула женщина.

Я перевела взгляд на тарелку, щеки мои пылали.

– Я чувствую себя здесь, как дома, – объяснила я, понимая, что говорю чистую правду. Несмотря на резкую смену настроения моего притягательного писателя, я чувствовала себя комфортно среди этих стен, вдали от страданий подавляющего меня прошлого.

МакМиллиан снова принялась болтать, а я закончила есть свой суп. Мой мозг следовал неправильными путями, сбивался с пути, и пунктом его назначения неотвратимо был Себастьян МакЛэйн. Я разрывалась между неискоренимой необходимостью снова увидеть его во сне и желанием оставить эти иллюзии за спиной.

Кайл заскочил на кухню несколько минут спустя, мрачный, как никогда.

– До глубины души я не переношу МакЛэйна... – изрек он.

– Постыдился бы так говорить о том, кто кормит тебя, – прервала его экономка на середине фразы.

– Лучше умереть от голода, чем иметь дело с ним, – раздраженно ответил он. Злость, звучавшая в его голосе, заставила меня вздрогнуть. Он не был преданным слугой, как я уже догадалось, но его ненависть была почти животрепещущей.

Кайл открыл холодильник и достал две банки пива.

– Спокойно ночи, милые синьоры. Я возвращаюсь в комнату отметить мой развод, – нервный тик появился в уголке его правого глаза.

Мы с экономкой молча переглянулись, глядя, как он уходит.

– Это было совершенно нетактично – так говорить о бедном синьоре МакЛэйне, – произнесла она, а потом хмуро взглянула на меня: – Думаете, он может покончить с собой?

Я улыбнулась прежде, чем смогла себя сдержать.

– Он не кажется мне способным на такое, – успокоила я ее.

– Верно. Он слишком поверхностный, чтобы испытывать глубокие чувства к кому-либо, – с неприязнью ответила она. Опасения за Кайла исчезли, как роса от солнца, и она принялась перечислять мне преимущества жизни за городом по сравнению с городом.

Я помогла ей помыть тарелки, и мы вернулись обратно: я – на первый этаж, она – в комнату, расположенную рядом с кухней, на нижнем этаже.

Я долго ворочалась в кровати, пока не заснула, провалившись в беспокойный сон. А с утра у меня были мокрые щеки от ночных слез, о которых я ничего не помнила.

Себастьян не приснился мне этой ночью.

День спустя был вторник, и МакЛэйн уже целый час сердился.

– Сегодня придет МакИнтош, пунктуальный, словно налоговый инспектор, – мрачно изрек он. – И я никак не могу отговорить его от этих визитов. Я уже все попробовал. От угроз до мольбы. Кажется, он непроницаем ко всем моим попыткам. Он хуже мародера.

– Возможно, он хочет убедиться, что Вы хорошо себя чувствуете, – произнесла я, чтобы что-нибудь сказать.

Он посмотрел мне в глаза, а потом расхохотался.

– Мелисанда Бруно, ты оригинальна... Дорогой МакИнтош приходит, потому что следует своему долгу, а не потому что испытывает ко мне какое-то особое чувство.

– Долгу? Я не понимаю... По-моему, его единственной целью является сам визит. Он определенно заинтересован в этом, – упрямо сказала я.

МакЛэйн скорчил гримасу.

– Дорогая моя... Не будь такой наивной, чтобы поверить во все то, что происходит. Существуют не только черный и белый цвета, есть еще и серый.

Я не отвечала ему. Что я могла ответить? Что для меня на самом деле не существует ничего, кроме черного и белого, до тошноты. Чтобы он открыл правду обо мне?

– МакИнтош испытывает чувство вины за аварию и пытается загладить ее, регулярно навещая меня, хоть я ему совсем не нравлюсь, – добавил он ехидно.

– Чувство вины? – повторила я. – В каком смысле?

Вспышка осветила окно за его спиной, а потом раздался гром. Он даже не обернулся, будто ничего не произошло, и не сводил с меня глаз.

– Кажется, будет проливной дождь. Может, это отвратит МакИнтоша от сегодняшнего визита.

– Сомневаюсь. Это всего лишь летняя гроза. Через час все закончится, – скептически сказала я.

Он так пронзительно смотрел на меня, что у меня по спине вдоль позвоночника побежали мурашки. Он был странным мужчиной, но таким харизматичным, что это затмевало все его недостатки.

– Хотите, чтобы я привела в порядок остальные полки, – нервно спросила я, избегая его взгляда.

– Вы хорошо спали сегодня ночью, Мелисанда?

Вопрос меня удивил. Его тон был беззаботным, но требовал немедленного ответа, что заставило меня искренне сказать:

– Не особо.

– Никаких снов? – спросил он тоном прозрачным, словно вода спокойного потока, что я даже позволила увлечь себя этим течением.

– Нет, этой ночью нет.

– А ты хотела их увидеть?

– Да, – импульсивно ответила я. Наш диалог был каким-то нереальным, и я хотела бы вечно продолжать его.

– Пожалуй, сны вернутся к тебе. Тишина этого места идеальна, чтобы видеть сны, – холодно сказал он. Потом вернулся за компьютер, забыв обо мне.

«Потрясающе! – униженно подумала я. – Он бросил мне косточку, словно собаке, а я была такой идиоткой, что притворилась сытой, умирая с голоду». А я действительно была голодной. До наших взглядов, до нашего полного слияния, до его неожиданных улыбок.

Я опустила плечи и принялась за работу. В тот момент я вновь вспомнила о Монике. Она кружила мужчинам голову, ловя их в сети обмана и мечты, завоевывая их внимание с непревзойденным мастерством. Однажды я спросила я, как она научилась искусству оболыщения, на что она ответила: «Этому не учатся, Мелисанда. Ты либо обладаешь этим искусством всегда, либо можешь о нем только мечтать». Потом она повернулась ко мне и сладко произнесла: «Когда достигнешь моих лет, узнаешь, как это делается. Вот увидишь».

Я достигла этого возраста, став хуже, чем была раньше. Мои взаимоотношения с противоположным полом были очень редкими и длились весьма недолго. Мужчины задавали мне

одни и те же вопросы. Как тебя зовут? Чем ты занимаешься по жизни? Какая у тебя машина? Когда я говорила, что у меня нет прав, они смотрели на меня, как на диковинного зверя, словно я была заражена какой-то ужасной заразной болезнью. На этом отношения заканчивались.

Я провела рукой по книге в твердом переплете. Это было роскошное издание, в марокканской коже, «Гордость и предубеждение» Джейн Остин.

– Пospорим, что это твоя любимая книга.

Я быстро подняла голову. МакЛэйн изучающе разглядывал меня сквозь полузакрытые веки с опасным блеском в черном омуте.

– Нет, – ответила я, возвращая книгу на место. – Мне она нравится, но это не моя любимая книга.

– Значит, «Грозовой перевал»? – одарил он меня неожиданной улыбкой, от которой у меня перехватило дыхание.

Мое сердце подпрыгнуло, и я едва не бросилась в этот омут.

– Все нет, – ответила я, с радостью заметив твердость моего голоса. – Он не очень хорошо заканчивается. Как я уже сказала, я предпочитаю счастливый конец.

Он повернул кресло и остановился в нескольких шагах от меня с сосредоточенным выражением.

– Убежденность Остин заканчивается хорошо, ты не можешь этого отрицать, – он даже не пытался скрыть, как веселился, и я тоже увлеклась этой игрой.

– Хорошо, признаю, но ты все еще далеко. Эта книга сосредоточена на ожидании, а я не умею ждать. Я слишком нетерпелива. Я бы смирилась или изменила желание, – мой голос был флиртовым, я не отдавала себе отчета, что флиртую с ним.

– Джейн Эйр.

Он не ожидал, что я рассмеюсь, а потому смущенно смотрел на меня.

Прошло несколько секунд, пока я смогла ответить ему:

– Наконец-то! Я думала, Вам понадобятся века...

Тень улыбки пересекла его хмурое выражение.

– Я должен был догадаться сразу. Героиня с грустной и одинокой историей, мужчина с тяжелым прошлым, счастливый конец после тысячи штормов. Романтично. Увлекательно. Реалистично, – теперь его губы смеялись вместе с глазами. – Мелисанда Бруно, ты хоть понимаешь, что могла бы влюбиться в меня, как Джейн Эйр в синьора Рочестера, который тоже был ее работодателем?

– Но Вы не синьор Рочестер, – спокойно возразила я.

– У меня такие же смены настроения, как и у него, – заметил он с полуулыбкой на губах, на которую я не могла не улыбнуться в ответ.

– Согласна. Однако, я не Джейн Эйр.

– Это верно. Она была однообразной, некрасивой, незначительной, – сказал он, растягивая слова. – Ни один здравомыслящий и зрячий человек не смог бы сказать то же самое о тебе. Твои рыжие волосы заметны за тысячу миль.

– Мне не кажется это именно комплиментом... – шутливо жалуясь, ответила я.

– Тот, кто замечен тем или иным образом, не может быть некрасивым, Мелисанда, – ласково произнес он.

– Тогда спасибо.

– От кого у тебя такие волосы, синьорина Бруно? – усмехнулся он. – От твоих итальянских родителей?

Упоминание моих родителей омрачило радость того момента. Я отвела взгляд и продолжила наводить порядок на полках.

– Моя бабушка была рыжей. Мои родители нет, впрочем, как и моя сестра.

Он подкатил кресло к моим ногам, вытянувшись в попытке поставить книги. На таком бесконечно малом расстоянии я не могла не почувствовать его аромат. Таинственная и обольстительная смесь цветов и специй.

– И что делает изящная секретарша с рыжими волосами и итальянскими корнями в затерянной шотландской деревне?

– Мой отец эмигрировал, чтобы содержать свою жену и дочь. Я родилась в Бельгии.

Я старалась найти возможность сменить тему, но это было сложно. Его близость путала мои мысли, превращая их в моток, который нелегко распутать.

– Из Бельгии в Лондон, а потом в Шотландию. Всего за двадцать два года. Ты должна признать, что это, по крайней мере, необычно.

– Всего лишь желание познать мир, – уклончиво ответила я.

Я всматривалась в него. Его хмурое выражение исчезло, как снег на солнце, уступив место здоровому интересу. Не было возможности отвлечь его. За окном бушевала мощнейшая гроза. Такая же буря разворачивалась внутри меня. Мы общались с ним так естественно, спонтанно, свободно, но я не могла, не должна отвечать поспешно, не подумав, иначе я пожалею об этом.

– Желание познать мир, чтобы пропасть в этом забытом уголке мира? – скептически произнес он. – Тебе не нужно лгать мне, Мелисанда Бруно. Я не судья, несмотря на всю мою видимость.

Что-то сломалось во мне, освобождая воспоминания, которые, я думала, навсегда превратились в пыль. Я лишь раз доверилась кому-то, и это плохо закончилось, почти сломав мне жизнь. Только судьба предотвратила трагедию. Мою.

– Я не лгу. Тут тоже можно познать мир, – смеясь, сказала я. – Я никогда не была в Хайленде, мне интересно это место. И потом, я молода, еще успею попутешествовать, увидеть и открыть новые места.

– То есть ты готова уехать? – хриплым голосом спросил он.

Я обернулась на него. Тень пробежала по его лицу. Было на нем какое-то отчаяние, гнев, алчность в тот момент. Я в недоумении смотрела на него.

Он быстро повернул колеса в направлении письменного стола.

– Не волнуйся. Если ты будешь такой вялой, я сам тебя выгоню. Так ты сможешь возобновить свое путешествие по миру.

Его резкие слова были словно ведром ледяной воды, вылитой на меня. Он застыл около окна, пригвожденный к инвалидному креслу, с опущенными плечами.

– Вы были правы. Гроза закончилась. Нет возможности избежать визита МакИнтоша сегодня. Я только и делаю, что ошибаюсь. О, смотрите, радуга, – позвал он меня, не оборачиваясь. – Подойдите и посмотрите, синьорина Бруно. Потрясающее зрелище, Вы не находите? Сомневаюсь, что Вы видели ее.

– Я видела ее, – возразила я, не двигаясь. Радуга была жестоким символом того, что я не могла увидеть: цвета, это чудо, их архаическая загадка.

Мой голос был слабым, как тонкий лед, а плечи были еще более опущенными, чем его.

Он снова выстроил стену между нами, высокую, непреодолимую защиту.

А может, это я выстроила ее еще раньше.

Глава шестая

– Хочешь поужинать со мной, Мелисанда Бруно?

Я посмотрела на него ошеломленно раскрытыми глазами, убежденная, что неправильно его поняла. Он часами меня игнорировал, и лишь в редкие минуты я достаивалась нескольких слов. Чаще всего он был неприветлив и холоден.

Сначала я думала отказаться, возмущенная его несерьезным инфантильным и изменчивым поведением, но потом любопытство взяло верх. Или, может, это была надежда вновь увидеть его улыбку, ту настоящую, гостеприимную, теплую. В любом случае, какой бы ни была причина, мой ответ был положительным.

Синьора МакМиллиан казалась настолько шокированной этой новостью, что даже молчала, пока накрывала на стол, вызывая наше общее веселье. МакЛэйн был расслаблен, его вид не был таким мрачным, какой я уже научилась бояться, а наше молчание оставалось простым и нарушилось, лишь когда экономка нас покинула.

– Нам удалось лишить дорогую Миллисент дара речи... Мне кажется, мы попадем в книгу рекордов Гиннеса, – заметил он с улыбкой, которая тронула мое сердце.

– Несомненно, – подтвердила я. – Это действительно титаническое дело. Никогда не думала дожить до этого дня.

– Согласен, – подмигнул он мне и взял шампур с мясом.

Неожиданный ужин был неформальным и восхитительным, а его компания была единственной, которую я только могла пожелать. Я пообещала себе не делать ничего такого, что могло бы испортить эту идиллическую атмосферу, но потом вспомнила, что это лишь частично зависело от меня. Мой партнер уже много раз продемонстрировал, что может очень легко разозлиться без какой-либо видимой причины.

Но сейчас он смеялся, и я снова почувствовала острую боль от того, что не могу увидеть цвета его глаз и волос.

– Итак, Мелисанда Бруно, нравится ли тебе Midnight Rose?

Мне нравишься ты, особенно когда ты шутишь и находишься в согласии с миром.

– Неужели кому-то может не понравиться здесь? – сказала я громко. – Это райское место, далекое от иступленности, стресса, сумасшествия рутины...

Он прекратил есть, словно питался от моего голоса, а я начала пережевывать быстрее, чтобы не разрушить это очарование, более хрупкое, чем кристалл, более летящее, чем осенний лист.

– Для того, кто прибывает из Лондона, это именно так, – согласился он. – Ты много путешествовала?

Я поднесла бокал вина к губам, прежде чем ответить.

– Меньше, чем хотелось бы. Зато я поняла кое-что: мир можно открыть лишь в его забытых уголках, в его складках и бороздках, а отнюдь не в больших центрах.

– Твоя мудрость может сравниться только с твоей красотой, – серьезно сказал он. – И что же ты открыла в этом занимательном шотландском селе?

– Село я еще не видела, – напонила я ему без обиды. – Но Midnight Rose – интересное место. Здесь кажется, что мир может остановиться, но не чувствуется отсутствие будущего.

– Ты поняла суть этого дома за такой короткий промежуток... – покачал он головой. – Даже мне еще не удалось сделать этого...

Я не ответила, боясь нарушить возникшую интимную атмосферу. Он внимательно рассматривал меня в своей обычной манере, будто я находилась под микроскопом. Последовавший вопрос был умышленным, опасным и предвещал надвигающуюся катастрофу.

– У тебя есть семья, Мелисанда Бруно? Кто-нибудь из твоих еще жив?

Это не было каким-то праздным вопросом, сделанным ради того, чтобы спросить. В нем звучал жгучий и неподдельный интерес.

Я постаралась замаскировать свое волнением, сделав еще глоток вина и обдумывая ответ. Раскрыть то, что у меня есть сестра и отец, означало дать повод для других каверзных вопросов, на которые я не была готова отвечать. Я была реалисткой: приглашение вместе поужинать вызвано лишь вечерней скукой, и он просто искал отдушину. Я, пока еще неизвестная секретарша, идеально подходила для этой цели. Другого ужина не будет. Поэтому я решила солгать, поскольку это было проще и менее сложно.

– Я одна во всем мире.

Только когда мой голос затих, я поняла, что это не было ложью. Я действительно была одинока в своем существовании, а не по факту. Я была одна, абстрагированная ото всего. Я ни на кого не могла рассчитывать, кроме как на саму себя. Это заставило меня так много страдать, что можно было бы лишиться разума, но я к этому привыкла. Абсурдно, грустно, тяжело, зато верно.

Я привыкла быть нелюбимой. Быть неправильной. Одинокой.

Удивительно, но МакЛэйн казался удовлетворенным моим ответом, будто он был единственно правильным. Правильным для чего-то, что я не сумела сказать.

Он поднял бокал вина, наполовину пустой, чтобы произнести тост.

– За что? – спросила я, тоже поднимая бокал.

– Чтобы ты снова увидела сны, Мелисанда Бруно. И чтобы твои сны сбылись, – глаза его улыбались мне поверх бокала.

Я отказывалась понимать что-либо. Себастьян МакЛэйн был живой загадкой, а его харизма, его природный магнетизм были поверхностны, как все его ответы.

В ту ночь мне снился сон второй раз в моей жизни. Сцена была очень похожа на ту, что я видела в первый раз: я в ночной рубашке, он у изголовья моей кровати в темной одежде, и никакого намека на инвалидное кресло. Он протянул мне руку с улыбкой, играющей в уголках его губ.

– Потанцуй со мной, Мелисанда, – сказал он любезным, нежным, мягким, словно шелк, тоном. Это было всего лишь просьбой, не приказом. И его глаза... Впервые они казались умоляющими.

– Я сплю? – подумала я, но оказалось, что я произнесла это вслух.

– Если ты хочешь, чтобы это было сном, – это сон. В противном случае, это реальность, – категорично сказал он.

– Но Вы ходите...

– Во сне все может случиться, – ответил он, ведя меня в вальсе, как и в первый раз.

На меня накатила злость. Почему в МОЕМ сне чужие кошмары исчезают, зато мои остаются в силе, во всем своем ядовитом совершенстве? Это был МОЙ сон, но я не могла его приручить или хотя бы смягчить. Его автономия была подозрительной и раздражающей.

Я прекратила думать об этом, словно находиться в его объятиях было куда более важным, чем мои личные драмы. Он был нагло красивым, и я была горда тем, что он посетил мой сон.

Мы долго танцевали в ритме несуществующей музыки, слившись телами в совершенных синхронных движениях.

– Я думала, что не смогу больше увидеть тебя во сне, – сказала я, протягивая руку, чтобы коснуться его щеки. Она была гладкой, горячей, почти пылающей.

Его рука поднялась вверх и перехватила мою.

– Я тоже не думал, что смогу увидеть тебя во сне.

– Ты кажешься таким реальным... – вздохнув, сказала я. – Но ты всего лишь сон... Ты слишком нежен, чтобы быть чем-то другим...

Он весело рассмеялся и крепче прижал меня к себе.

– Ты злишься на меня?

Я сердито взглянула на него.

– Иногда мне хочется ударить тебя.

– Я тебе открою секрет, – сказал он без тени обиды, наоборот, удовлетворенно. – Мне нравится злить тебя.

– Почему?

– Так проще держать тебя на расстоянии.

Пронзительный звон часов вторгся в мой сон, вызвав во мне лютое недовольство. Потому что МакЛэйн снова попятился назад, будто это было неким сигналом.

– Останься со мной, – умоляюще сказала я.

– Не могу.

– Это мой сон, и я решаю, – возразила я.

Он протянул руку, чтобы взъерошить мне волосы пальцами, легкими словно перо.

– Сны заканчиваются, Мелисанда. Они рождаются в нас, но нам не принадлежат. Они имеют свою волю и заканчиваются, когда сами решат, – уговаривал он меня, словно ребенка.

– Мне это не нравится.

– Никому не нравится, но мир несправедлив по определению, – по его лицу пробежала мрачная тень.

Я постаралась удержать сон, но мои руки были слишком слабыми, а мой крик был лишь шепотом. Он быстро исчез, как и в первый раз. Я проснулась, а в ушах стоял пронзительный звон. Потом я осознала в смятении, что это были аритмичные удары сердца. Оно тоже стучало, как ему заблагорассудится. Казалось, что мне больше ничего не принадлежит. Я больше не имела контроля ни над одной частью моего тела. И что меня расстраивало больше всего, что это касалось даже моего ума и моих чувств.

Письмо, пришедшее в то утро, имело такой же разрушающий эффект, как камень, брошенный в пруд. Оно попало в одну точку, но распространилось большими кругами по всей поверхности.

У меня было отличное настроение, и я начала день, напевая себе под нос. Обычно со мной такого не случалось.

Синьора МакМиллиан готовила завтрак в религиозном молчании, занятая тем, чтобы изобразить полную незаинтересованность вчерашним ужином.

Я решила не толочь воду в ступе. Нужно было прояснить ее сомнения прежде, чем она выстроит свои версии, губительные для моей репутации, а также, возможно, для репутации синьора МакЛэйна. Любые надежды на чувства с его стороны были исключительно плодом моих снов, и я не должна поддаваться их мимолетному волшебству.

– Синьора МакМиллиан...

– Да, синьора Бруно? – она намазывала маслом нарезанный хлеб и задала этот вопрос, не поднимая глаз.

– Синьор МакЛэйн почувствовал себя очень одиноким вчера вечером и попросил меня составить ему компанию за ужином. Если бы я не согласилась, он попросил бы Вас. Или Кайла, – уверенно сказала я.

Она поправила очки на носу и кивнула:

– Конечно, синьорина. Я никогда не думала ничего плохого. Очевидно, речь идет о единичном эпизоде.

Ее уверенность охладила меня. Это было разумным доводом. И в глубине души я тоже так думала. Нет повода надеяться, что золотой жених этого региона мог влюбиться именно в меня. Он был в инвалидном кресле, а не слепым. Мой черно-белый мир был живым и верным доказательством моей непохожести на других. Я не могла себе позволить такую роскошь, как забыть об этом.

Никогда. Или это закончилось бы крушением.

Я как всегда поднялась по лестнице. Но я чувствовала тревогу, несмотря на спокойствие, которым я хвасталась.

Себастьян МакЛэйн улыбался уже в тот момент, когда я открыла дверь, и тем самым отправил мое сердце прямо в рай. И я надеялась, что мне никогда не придется забирать его оттуда.

– Добрый день, синьор, – спокойно поприветствовала я.

– Как мы формальны, Мелисанда, – сказал он укоризненным тоном, будто нас теперь связывала куда большая близость, чем просто совместный ужин.

Мои щеки вспыхнули, и я сильно покраснела, хотя я не имела ни малейшего понятия о смысле этого слова. Красный в моем мире был темным цветом, идентичным черному.

– Это только уважение, синьор, – ответила я, смягчая свой формальный тон улыбкой.

– Я немного сделал, чтобы заслужить его, – задумчиво сказал он. – Напротив, однажды ты меня возненавидишь.

– Нет, синьор, – ответила я, вступая на мягкую землю. Опасность вызвать его гнев была всегда скрытой, но присутствовала в каждой нашей дискуссии. Я не могла опускать оружие. Даже если мое сердце уже сделало это.

– Не лги. Я этого не переносу, – возразил он, не теряя своей потрясающей улыбки.

Я села напротив него, готовая приступить к своим служебным обязанностям, за которые мне платили. Конечно, я не была влюблена в него. Это даже не обсуждалось.

Он показал мне на ворох писем на письменном столе.

– Отдели личную почту от рабочей, пожалуйста.

Отвести взор от его глаз, полных новой волны нежности, было сложно. Я продолжала чувствовать его взгляд на себе, горячий и невыносимый, и потому никак не могла сосредоточиться.

Вдруг одно письмо привлекло мое внимание, поскольку на нем не стоял адрес отправителя, а почерк на конверте был мне очень знаком. К тому же получателем не был мой обожаемый писатель. Им была я сама. Я застыла, словно парализованная, с письмом в руках, а голову омрачили самые противоречивые мысли.

– Что-нибудь не так?

Я бросила на него взгляд. Он внимательно смотрел на меня, и мне казалось, что он никогда не прекратит этого делать.

– Нет, я... Все хорошо... Только... – я потерялась в лабиринтной дилемме: сказать ему о письме или нет? Если бы я промолчала, была опасность, что позже ему скажет об этом Кайл. Именно он забирал почту и клал ее на письменный стол. А может, он не заметил, что на письме был другой получатель. Могла ли я рассчитывать на это и отложить письмо, чтобы прочитать позже? Нет, это недопустимо. МакЛэйн был слишком наблюдательным, чтобы ничего не заметить. Вес моей лжи лежал между нами.

Он протянул руку, прижав меня спиной к стене, поскольку заметил мою нерешительность и хотел увидеть все своими глазами.

С тяжелым вздохом я передала ему письмо.

Он лишь на секунду отвел глаза, чтобы прочитать имя на конверте, а потом снова взглянул на меня. Враждебность вернулась в его взгляд, густая, как туман, липкая, как кровь, черная, как недоверие.

– Кто тебе пишет, Мелисанда Бруно? Далекий жених? Родственник? Ах нет, какой глупец. Ты же сказала мне, что все твои родственники умерли. И так? Друг, может?

Я перехватила мяч на лету, продолжая лгать:

– Это моя старая соседка по квартире, Джессика. Я знала, что она могла бы написать мне, и потому дала ей свой адрес, – произнесла я, удивленная тем, каким быстрым потоком устремились слова из моего рта, натуральные в своей фальшивости.

– Тогда прочти его. Иначе ты сгоришь от нетерпения. Не делай из этого проблемы, Мелисанда, – тон его был певучим, окрашенным пугающей жестокостью. В тот момент я отдавала себе отчет в том, что мое сердце все еще присутствует, несмотря на мои предыдущие убеждения. Оно было раздуто, на грани остановки, вытасченное из тела. Как и мой мозг.

– Нет... Нет никакой спешки... Лучше позже... Я хочу сказать... У Джессики нет никаких грандиозных новостей, – бормотала я, избегая его ледяного взгляда.

– Я настаиваю, Мелисанда.

Впервые в жизни я почувствовала сладость яда, его чарующий аромат, его обманчивое волшебство. Потому что его голос и его улыбка не раскрывали гнев. Только глаза выдавали его.

Я взяла конверт, который он протягивал мне, держа кончиками пальцев, словно он был заразным.

Он ждал. В его бездонных глазах светился садистский огонек.

Я положила конверт в карман.

– Это от моей сестры, – свободно сорвалась с моих губ правда, потому что не было способа избежать ее. Он молчал, а я смело продолжила: – Я знаю, что солгала относительно моих родственников, но... В действительности я одинока в целом мире. Я... – Голос мой сорвался. Но потом я добавила: – Я понимаю, что это было ошибкой, но мне не хотелось о них говорить.

– О них?

– Да. Мой отец еще жив. Но лишь потому, что его сердце до сих пор бьется, – мои глаза наполнились слезами. – Он почти что растение. Он алкоголик на последней стадии и он о нас даже не помнит. Я имею в виду себя и Монику.

– С Вашей стороны глупо лгать, синьорина Бруно. Вы не подумали о том, что Ваша сестра могла бы написать сюда? Или, может, Вы решили уйти в подполье, чтобы не заботиться о Вашем отце, предоставив эту честь кому-то другому? – его голос звучал поучительно и смертоносно, как выстрел из ружья.

Я проглотила слезы и с вызовом посмотрела на него. Я солгала, это бесспорно, но он меня обрисовал, как жалкое существо, недостойное того, чтобы жить, не заслуживающее уважения.

– Я не позволю Вам судить обо мне, синьор МакЛэйн. Вы ничего не знаете о моей жизни и о причинах, которые заставили меня солгать. Вы – мой работодатель, но не мой судья и менее всего – мой палач.

Убийственное спокойствие, с которым я говорила, удивили больше меня, чем его, и я поднесла руку к губам, будто это они произносили слова вместо меня, будучи соединенными с мозгом, наделенным автономией от моего сердца или моих снов.

Я резко вскочила, что даже стул упал назад. Подняв его дрожащими руками, я осознала, что разум мой пребывает в весьма плачевном состоянии.

Я уже дошла до двери, когда он заговорил с охлаждающей жесткостью:

– Возьмите выходной, синьорина Бруно. Вы кажетесь мне очень взволнованной. Увидимся завтра.

Я вошла в свою комнату в состоянии транса и бегом бросилась в ванную. Там я умыла лицо холодной водой и изучающе уставилась на свое отражение в зеркале. Это было уже слишком. Все то белое и черное, которое окружало меня, было еще более устрашающим, чем траурный шелк. Я чувствовала себя в опасности, балансируя на краю пропасти. Упасть меня не пугало. Это уже случалось много раз, и я поднималась. Моя кожа и мое сердце были усеяны миллионами невидимых и болезненных шрамов. Я боялась потерять разум, ясность ума, которая до этого момента поддерживала меня. В этом случае я предпочла бы разбиться.

Непролитые слезы скрутили меня изнутри, превратив в тряпку. Я была словно зомби, один из героев романов МакЛэйна.

Моя рука пощупала карман твидовой юбки, куда я положила письмо от Моники. Как бы я не хотела, медлить больше нельзя. Я достала его и отправилась в спальню.

Оно весило, как куча железобетона, и я боролась с соблазном не открывать его. Содержанием письма могло быть только одно: страдание. Я полагала, что была сильной, прежде чем приехала в Midnight Rose. Как же я ошибалась! Я совсем не была таковой.

Мои руки действовали по своей воле, а я теперь была похожа на марионетку. Они расклеили конверт и достали листок. В нем было мало слов. Типично для Моники.

Дорогая Мелисанда,

мне нужны деньги. Я благодарю тебя за те, которые ты выслала из Лондона, но их недостаточно. Ты не могла бы попросить заранее зарплату у того писателя? Не будь скромной и щепетильной. Мне сказали, что он очень богат. В глубине души он одинок, парализован, очень ранимый. Сделай это поскорее.

Твоя Моника.

Я не знаю, сколько времени я рассматривала письмо: может, несколько минут, может, несколько часов. Все потеряло важность, будто моя жизнь имела смысл только как придаток Моники и моего отца. Я бы хотела, чтобы они оба умерли, и от этой ужасной мысли, продлившейся всего долю секунды, меня охватила паника. Моника старалась любить меня в своем естественно-эгоистическом стиле. А мой отец... Ну... Прекрасные воспоминания о нем были настолько скудными, что у меня сбилось дыхание. Но он оставался моим отцом, тем, кто дал мне жизнь и кто считал себя вправе растоптать ее.

Я аккуратно сложила письмо, с дотошным и преувеличенным вниманием, потом закрыла его в ящике комода.

Деньги.

Монике нужны были деньги. Еще. Я продала все, что у меня было в Лондоне, – на самом деле очень мало чего, – чтобы помочь ей. И вот спустя всего несколько недель мы прибыли в отправную точку. Я знала, что забота об отце была дорогостоящей, но теперь я начинала бояться. Если бы Себастьян МакЛэйн уволил меня – и только Бог знал, сделал бы он это по разумным причинам или ради развлечения, – я оказалась бы посреди дороги. Как я могла попросить у него денег заранее после всего того, что произошло? Лишь одна только мысль об этом меня убивала. Моника никогда не была щепетильной, одаренная лицом завидной красоты, но у меня-то такого не было. Общение не являлось моей сильной стороной, просить помощь казалось для меня невозможным. Я слишком боялась отказа. Я сделала это лишь однажды и до сих пор помню вкус этого «нет», ощущение отказа, грохот захлопнувшейся перед носом двери.

– Кайл действительно бездельник. Он исчез на машине в обед и вернулся только полчаса назад. Синьор МакЛэйн разъярен. Он бы побил этого типа, я не сомневаюсь. Оставить синьора без помощи! – голос МакМиллиан был полон гнева, будто Кайл нанес ей личный ущерб.

Я продолжала накладывать еду в тарелки, не чувствуя никаких следов аппетита.

Женщина продолжила говорить, многословно как обычно, но я ее почти не слушала. Я напряженно улыбнулась ей и вновь погрузилась в черный поток моих мыслей. Где найти деньги? Нет, у меня не было выбора. Не хватало двух недель до получения моего заработка. Моника должна подождать. Я отправлю ей все, надеясь не сделать неосторожный шаг. Риск быть уволенной без предупреждения был пугающе реальным. Синьор МакЛэйн был непредсказуемым человеком с непостижимым и ненадежным плохим характером.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.